Комедианты

Автор:
Валерий Михайлов

Комедианты

Валерий Михайлов

Для главного героя романа «игра» начинается с того, что его обычная, размеренная жизнь летит ко всем чертям. В один момент он лишается всего, что ему было дорого. И все только потому, что ему не повезло родиться «ключом» между нашим и принципиально иным мирами.

Что делать, если ты стал пешкой в игре сверх могущественных сил и как сделать правильный выбор, оказавшись в ситуации, когда нравственно верный шаг практически гарантирует смерть, а выживание и процветание будет дано только в том случае, если перешагнуть через все то, что тебе дорого? На эти вопросы и предстоит ответить героям романа «Комедианты». Для этого им придется пройти через потерю близких, через жесточайший эксперимент, через множество испытаний.

Валерий Михайлов

Комедианты

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

Повесть первая

«…Что проку от остальных?.. Остальные – всего лишь человечество…»

Ф. Ницше «Антихристианин»

«Они здесь убивали друг друга в приступе неистовой ярости, как взбесившиеся хищники, как остервеневшие тарантулы, как обезумевшие от голода крысы. Как люди».

А. и Б. Стругацкие «Град обречённый»

Глава 0

В просторном, дорого, но не кричаще отделанном, прекрасно оборудованном кабинете, где всё под рукой, но в то же время ничто не мешает и не отвлекает, в удобном дорогом кресле сидел человек средних лет. Электрический свет был выключен, и в предрассветном полумраке, а дело было перед рассветом, он казался современной вариацией Роденовского «Мыслителя». Выглядел он, мягко говоря… проблемы, бессонные ночи с постоянно повторяющимся кошмаром в редкие минуты сна, личные неурядицы, а в довершение ещё и этот странный телефонный звонок из прошлого, которое он всеми силами пытался забыть:

– Сергей Николаевич?

– Да.

– Выслушайте меня внимательно. От этого очень многое зависит. – Он говорил, старательно подбирая слова.

– Знаете, что… – попытался оборвать его Сергей Николаевич.

– Дюльсендорф. Карл Дюльсендорф. Надеюсь, вам это имя о чём-то говорит?

– Вы? – Сергея Николаевича бросило в жар. Он вспомнил этот голос.

– Узнали?

– Но я…

– Знаю. Поэтому вы ещё живы.

– Чего вы хотите?

– У нас с вами осталось одно нерешённое дело.

– Какое?

– Я хочу вернуть себе то, что по праву принадлежит мне.

– Что?

– У вас есть то, что принадлежит мне.

– Я не понимаю…

– Встретимся на рассвете, – перебил его собеседник и положил трубку.

Сергей Николаевич сидел, полностью погружённый в себя, упразднив, отбросив, сдав в утиль то, что мы называем забавным словом «вне». Для него «вне» больше не существовало, как не существовало солнечного света, пробивающегося сквозь занавески, истлевшей до фильтра и давно уже потухшей сигареты на дорогом столе, рядом с пепельницей, и миллиона других мелочей, которые вкупе и создают нашу с вами реальность.

Мыслитель… Шутник вы, наверно, товарищ Роден. Кто же в таком состоянии мыслит. Это, скорее, сродни анабиозу хладнокровных, когда остывание приводит к замедлению, практически к остановке внутренних биологических часов, радикальное решение вопроса, вычёркивание неблагоприятных условий из собственной биографии за счёт киномонтажа, удаления нежелательных

элементов реальности. Эстетически приемлемый вариант тумблера в положении выключено… Мыслитель…

– Сергей Николаевич? – услышал он голос собеседника.

Напротив, в кресле для посетителей, сидел странного вида субъект. Широкий бесформенный плащ, смешная широкополая шляпа. Он был похож на персонажа шпионского мультсериала.

– Не надо включать свет, – опередил он Сергея Николаевича.

Но как? Мимо охраны, мимо не спавшего (за такие деньги на работе спать не полагалось) секретаря?

– Не будем отвлекаться на ерунду, – гость словно бы угадал его мысли. – У меня мало времени, да и вы человек занятой. Я перейду сразу к делу. Речь идёт об одном сне.

– О чём?!

– Вы случайно присвоили мой сон. Вам он совершенно ни к чему, учитывая те суммы, которые вы оставляете психиатру. Я думаю, эта сделка устроит нас обоих. Мне сон, ну, а вам душевный покой. Поверьте, многие ваши неприятности из-за этого сна.

«Это сон, глупый, дурацкий сон», – думал Сергей Николаевич, рациональное сознание которого было не в состоянии воспринять абсурд происходящего.

– Тогда, тем более, давайте покончим с делом и разойдёмся, – словно прочитал его мысли гость.

– Что вам нужно?

– Я же говорил, сон. Или вы меня не поняли?

– Я не понимаю…

– Вы согласны или нет?

– Согласен.

– Вот и хорошо. Сядьте поудобней, расслабьтесь, закройте глаза…

Глава 1

Когда это началось или произошло впервые? Возможно, уже с рождения я был отмечен ее проклятием или благословением, не знаю. По крайней мере, сколько я себя помню, она всегда была в моей жизни. Среднего роста, изящная, в длинном пальто тёмного цвета и ботиках на шнурках под цвет пальто, к которым не приставали ни пыль, ни грязь. Женщина-тайна, она превратилась сначала в тайну, а потом, по мере моего взросления, в женщину моей жизни, роковую женщину моей жизни.

Она приходила во сне. Мы встречались с ней в Городе, именно в Городе с большой буквы (но об этом позже), на центральных улицах в часы пик, или во время прилива человеческого моря. Обычно я куда-то спешил или опаздывал. Я бежал, вернее, шёл, стараясь пробиться сквозь человеческий поток, или пытался взять штурмом автобус, в котором уже было в несколько раз больше людей, чем он мог вместить. Тогда-то и появлялась она. Среднего роста, всегда в длинном пальто тёмного цвета и шнурованных ботиках под цвет пальто. На голове всегда шляпка с вуалью, закрывающей лицо. Она шла сквозь людской поток, не замечая никого и ничего, словно никого больше и не было. И людской поток расступался перед этой удивительной женщиной, словно она была единственным существом, имеющим лицо, истинное лицо, внутреннее лицо, среди лицеподобного ничто, безликой массы, которая, кроме того, чтобы удобрить собой почву, когда придёт время, больше ни на что не годилась.

Она всегда проходила мимо, не замечая никого, в том числе и меня. Для нее я был одним из этих, одним из миллиардов этих, заполонивших собой планету, не достойных при этом даже взгляда, одного её взгляда. Я с самой, наверно, первой встречи навсегда попал в сети её обаяния. Стоило ей появиться, и я застывал на месте, забывая обо всем. Была ли она красивой? Не знаю. Я даже не знаю, какая она, как она выглядит, какой у неё голос, в конце концов. Пальто,

ботинки, шляпа с вуалью и магнетизм, нечеловеческий магнетизм, заставляющий забывать обо всём. Понимаю, это звучит нелепо, но я готов был на всё, чтобы хоть на мгновение оказаться у её ног.

Временами мы могли видеться чуть ли не каждую ночь, а временами она исчезала на месяцы, тогда я впадал в особый вид анабиоза, сутками валяясь на диване без малейшего желания шевелиться или что-либо делать вообще. Я мог ни с кем не разговаривать, не отвечать на вопросы, не выходить к обеду…

Мама, думая, что у меня очередная детская болезнь (он такой болезненный мальчик), приглашала свою подругу – противную тётку, от которой несло резкими духами, потом и табаком, отчего становилось ещё противней и обидней. Она подходила к моей постели, смотрела на меня в упор во все очки, после чего говорила:

– Нуте-с, молодой человек…

И мне приходилось вылезать из-под тёплого одеяла, становиться босыми ногами на грязный пол (она никогда не вытирала ноги и умудрялась затаптывать пол почти мгновенно). Она подолгу ощупывала меня холодными руками и противно лазила во рту ручкой чайной ложечки, от чего меня тошнило и хотелось кашлять.

Обычно она приходила с дочкой примерно моего возраста, задавалой и врединой, которая залазила в грязных туфлях в моё любимое кресло и глупо хихикала, глядя, как измывается надо мной её мать. Закончив осмотр, врачиха отправляла меня обратно в кровать и шла пить чай, оставляя со мной свою противную доченьку, которая тут же начинала хозяйничать в моих вещах (что я всегда ненавидел страшно) и ломать игрушки. Больше всего на свете в эти минуты мне хотелось засветить ей от всего сердца в глаз, что я и делал с завидной периодичностью. Тогда она поднимала крик на весь дом, будто её как минимум режут, и бежала на кухню жаловаться мамочке.

– Какой же он у вас! – говорила недовольно врачиха и уводила своё всхлипывающее чадо домой.

– Игорёша, нам надо серьёзно поговорить… – начинала читать мне долгие нотации мать, от которых становилось совсем уже тошно и тоскливо.

Если папа был дома, он всегда за меня заступался:

– Молодец, сыночек, с бабами по-другому нельзя. Не заметишь, как на шею усядется, тогда её оттуда не сгонишь.

– Чему ты ребёнка учишь? – возмущалась врачиха.

– Чему надо, тому и учу. Он у меня казак.

После этого дочка отправлялась на кухню, к мамочке, которая ещё долго о чём-то болтала с моей мамой, воняя на всю квартиру своими сигаретами, которые она курила одну за другой. Я же заворачивался с головой в одеяло и лежал так по несколько дней, пока, наконец, не появлялась дама с вуалью, чтобы в очередной раз пройти совсем рядом, настолько близко, что я мог слышать лёгкий, почти незаметный аромат её волшебных духов.

Я никогда не считал её сном, наоборот, я всегда был уверен, что она настоящая, что она где-то рядом, где-то совсем близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Не даром же наши сны настолько соприкоснулись, что превратились в один единый сон, перевернувший полностью мою жизнь. Я рос, взрослел, формировался, становился личностью под влиянием этого сна. Дама с вуалью никогда не выходила у меня из головы. Более того, все свои мысли, все поступки я расценивал исключительно с позиции: а как это понравится ей, и вечером, перед сном, я мысленно просил у неё прощения, если что-то в моём поведении было не так, не по её. Она была моим наваждением, паранойей, моим Богом и Дьяволом в одном лице, и в то же время она была моей тайной, моей самой страшной тайной, которую я никогда никому не рассказывал. Для всех остальных я был нормальным, правда, немного необщительным ребёнком, что я постарался исправить, когда стал немного взрослей. Она была моим пропуском в тайную, известную только нам реальность, куда не было входа для посторонних.

Была весна. Выдался один из тех удивительных дней, которые случаются обычно в апреле, иногда в марте, когда буквально во всём чувствуется наступление весны. Я медленно брёл по одной из центральных улиц, стараясь не пропустить ни единого мгновения замечательного дня. Странно, но людей на улице было мало, гораздо меньше, чем обычно бывает в это время дня, что не могло меня не

радовать. Люди тоже были весенними, словно бы оттаявшими от зимней стужи. Они были в плащах и куртках, а некоторые женщины были уже в туфлях. Они больше не казались мне страшной, безликой, угрюмой массой. В них появилась индивидуальность, появилась жизнь. Я даже почувствовал искреннее любопытство, впервые мне захотелось посмотреть на их лица, на одежду, на манеру поведения, попытаться понять, что происходит у них в душах.

Я настолько увлёкся рассматриванием людей, что не сразу увидел её. Она шла мне навстречу. Продолжай мы так идти, мы бы столкнулись лбами. Она тоже выглядела по-весеннему. Пальто сменил длинный плащ, на ножках у неё были легкие, осенние сапожки, идеально чистые, словно она не касалась ногами земли. Шляпка тоже была другой. Более лёгкой, весенней, с более короткой, закрывающей только верхнюю часть лица вуалью. На лице играла улыбка. Я никогда ещё не видел такой улыбки, способной вместить в себя всю вселенную. Мои ноги стали ватными, а сердце бешено заколотилось. Я остолбенел. Я больше не мог идти. Я стоял посреди улицы и смотрел на неё во все глаза. И тогда она улыбнулась мне! Она посмотрела на меня и улыбнулась!

Я как ужаленный вскочил с постели. Она меня заметила! Она меня заметила и улыбнулась! Мне! Значит, я всегда был прав. Значит, она действительно существует, и не где-нибудь, а здесь, рядом, на расстоянии вытянутой руки, настолько близко, что наши сны слились в нечто единое, превратившись в одно общее пространство, где среди прочих кукол-статистов, которых рисует нам сон, мы были настоящими. Мы были настоящими!

Я был настолько счастлив, что мог бы всё рассказать тебе, чтобы тут же услышать от тебя очередную колкость, ведь ты самая практичная, самая трезвая и самая умная на свете, тогда как я… Но сейчас не это было определяющим, и даже не наш с тобой последний разговор, не твой любитель Толстого, не Мага, которая тоже ничегошеньки не знала, определяющим был тот раскол, который начался уже тогда, когда наши пальцы сковали золотые обручи из чистой лжи, тоже, наверно, 523 пробы.

– Ты не мужик! – крикнула ты мне, давясь злобой и сигаретным дымом во время нашего последнего разговора, того самого разговора. – Ты не мужик! Ты даже для приличия не хочешь сделать вид…

– А зачем? Мне плевать на приличия, ты же знаешь. К тому же факт – это факт, и теперь уже поздно что-либо делать, и я не хочу что-либо делать, и я не буду что-либо делать, делай сама, всё, что считаешь нужным.

Ты разрыдалась, а я отправился на кухню ставить чайник, но ты прибежала ко мне с сигаретами. Ты курила и говорила, курила и говорила, курила и говорила…

– Тебе плевать! Тебе всегда было плевать! Тебя это даже не волнует. Не скажи я, ты бы даже не заметил, а если бы и заметил, продолжал бы и дальше делать вид, что у нас всё нормально, что ничего этого нет и никогда не было.

– Ты выговариваешь мне, словно не ты, а я пришёл с чистосердечным признанием в измене. Ты хотела, чтобы я тебя вздул? Хлопнул дверью? Ушёл из дома? Набил бы лица вам обоим? Но зачем? Зачем устраивать сцены, если мы с тобой давно уже не муж и жена, а чёрт-те кто с чёрт-те кем. Ты мне изменила, когда променяла меня на своего боженьку. Ты ушла от меня к нему, так что теперь проси прощение у него, а меня во всё это не путай.

– Ты… ты… ты…

Ты схватила уже изрядно помятую пачку, как кошка неосторожную птичку, и, конечно же, сломала последнюю сигарету, твой последний спасательный круг.

– …! – ты выругалась, как обычно ругаются вульгарные молодые девицы, когда хотят выглядеть крутыми, и пулей выскочила в прихожую, где принялась нервно натягивать сапоги и плащ.

В таком состоянии ты могла собираться куда угодно. Ты могла пойти в магазин, уйти навсегда, уйти из жизни… Перед тобой лежал миллион дорог. Но капля никотина иногда имеет свойство спасать, и в кармане плаща у тебя обнаружилась почти что ещё полная пачка сигарет, и ты, бросив плащ на пол в прихожей и не снимая сапог, которые оставляли следы в виде сухой, отскакивающей от подошвы грязи, вернулась на кухню. Твоё гипертрофированное чувство вины, пропущенное, наконец, через нужное давление и температуру и ещё бог весть что, обратилось в ярость.

Я никогда не был ревнивым. Ревновать, когда всё нормально, глупо, а когда это произошло – поздно. К тому же у меня была Лариска (она же Мага), и это

уравнивало нас с тобой. Да, я сторонник равноправия, плюс я всегда исповедовал следующий принцип: если ты что-то не позволяешь кому-то, не позволяй это и себе. К тому же моё поклонение даме с вуалью научило меня уважать в женщине женщину, воспринимать её как объект или самоцель. Я никогда не рассматривал женщин как средство или вещь, или нечто принадлежащее… Никто никому не принадлежит, и если уж что-то и должно регламентировать отношения, так это равноправный договор двух сторон. И то, что ты не знала ничего о Маге, не делало её существование менее важным фактором.

Ты осыпала меня отборнейшей бранью, отскакивающей от моего равнодушного спокойствия. Ты не могла пробиться сквозь стену или пропасть, которая давно уже была между нами, и от этого распалялась ещё сильнее. Ситуация зашла в тупик. Ситуация требовала разрешения.

Я убрал с огня чайник и приготовил нам кофе. По чашке крепкого, очень крепкого кофе.

– На, выпей, а то из тебя уже песок сыпется.

Ты опешила и даже посмотрела на грязный твоими стараниями пол…

– Какая же ты скотина! – сказала ты, но кофе выпила, и эта чашка кофе стала неким началом перемирия.

– Так что мы будем делать? – спросил я тебя так, словно бы речь шла о том, как занять вечер.

– Делай, что хочешь. Ты не представляешь, как я устала.

Ты затушила, практически полностью уничтожив, едва прикуренную сигарету и, шатаясь, медленно ушла в спальню. Не раздеваясь, не снимая сапог, ты рухнула на кровать. Я открыл окно, оделся и вышел из дома.

Глава 2

– Господин Дюльсендорф?

– Вы?!

– Не ожидали?

– Но как?

– Вы что, действительно думали, что, кроме вас, я имею в виду вашу компанию, никто не сможет сюда проникнуть?

– Но как? Мы же закрыли ворота.

– Кому, как не вам, господин Дюльсендорф, знать, что любой забор – это не более чем рамка для множества лазеек. Я могу войти?

Он произносил слово «господин» с чётко отмеренной порцией иронии.

– Не думал, что вам потребуется приглашение.

– Вы слишком плохо обо мне думаете. Вы всегда плохо обо мне думаете, что, кстати, не делает вас умней.

– А вы считаете…

– О, нет, господин Дюльсендорф, я совершенно не требую от вас таких банальностей, как любовь и уважение. Мне это не нужно. А вот то, что мне действительно бывает нужно, я научился брать. Надеюсь, вы не забыли?

– По-вашему, это возможно забыть?

– В таком случае вы должны к тому же помнить, что я редко бываю невежлив, а если точнее, то только в тех случаях, когда меня не хотят понимать. Есть люди, которые могут понять только грубую силу, и это уже не моя вина, как любят говорить в плохом кино.

– Что вам угодно на этот раз?

– Для начала чашечку кофе. У вас, знаете ли, холодно.

– Да, климат здесь значительно хуже.

– Тогда почему бы вам не перебраться в более удобоваримое место, где солнце поярче да и воздух почище.

– Мне нравится здесь. Подобные места отпугивают молодчиков типа вашего Клауса.

– Вы хотели сказать, типа меня.

– Вас ничто не может отпугнуть. Доказательством тому служит то, что вы здесь. Ваш кофе.

– Спасибо, Дюльсендорф.

– И так, что вам угодно на этот раз?

– Вы прекрасно знаете, что мне угодно.

– Скоро, господин Каменев, уже скоро.

– Вы уверены?

– Я более чем уверен. Я знаю это наверняка.

– Что вы понимаете под «знаю наверняка»?

– Некоторые технические детали вам лучше не знать, господин Каменев.

Произнося «господин Каменев», Дюльсендорф морщился, как от зубной боли. Он ненавидел своего собеседника, ненавидел ненавистью слабого, и даже не пытался скрывать своих чувств. С Каменевым это было пустой тратой энергии,

лишним, совершенно не нужным шагом к инфаркту, которого у Дюльсендорфа, слава богу, быть не могло.

– Давайте только без этого.

– Вас удивляет, что у нас есть секреты?

– Давайте без этого, Дюльсендорф. Зачем оскорблять интеллект.

– Какие могут быть оскорбления после того, что произошло между нами…

– Только не надо строить из себя жертву – это ведь не я тогда, а вы… Помните?

– Я делаю то, что требует Он. Думаю, как и вы.

– Давайте не будем. Кофе, кстати, у вас замечательный. Так вот, господин Дюльсендорф… Они уже встретились?

– Ещё нет, господин Каменев, не так сразу, но они встретятся, можете мне поверить.

– Вам опасно верить.

– Вам ведь больше ничего не остается, если я не ошибаюсь?

– Да. Вы правы.

– Тогда верьте, что они встретятся.

– Где и когда?

– Я буду держать вас в курсе.

– Это в ваших же интересах.

– Я помню.

– Ладно. Руки я вам не подаю, как, собственно, и вы мне.

– Прощайте.

– Нет – нет, господин Дюсельдорф, до свидания, и я надеюсь, до скорого свидания.

Глава 3

Не помню, с кем ты пришла тогда на мои посиделки, похожие на сборища кортасаровских персонажей. Вино, папиросы (тогда ещё холостые), литература, музыка. Только вместо джаза андеграунд. Мы собирались каждый раз, когда родители (как это было давно) ездили по выходным на дачу. Иногда набивалось столько людей, что поздним гостям приходилось сидеть прямо на полу в коридоре между прихожей и кухней. Кто-то оставался до утра, кто-то занимал очередь в комнату для любви. В свою спальню я не пускал никого.

– Лет в 16 мне приснилась свадьба, – рассказывал я тебе, – женихом был я. Мы уже обвенчались или зарегистрировались, неважно. Всё это осталось за кадром. В кадре же тяжёлая дверь или даже двери. Ну да, две двери, которые на удивление открываются легко. Мы, вокруг меня какие-то люди, мы входим в эти двери и оказываемся в удивительно красивой комнате. Свечи, музыка, хрустальные люстры, опять-таки с настоящими свечами, и ОНА в белом платье, невеста, или, вернее, уже жена. Я понимаю, что это смерть, но я её не боюсь. Скорее, я влюблён, влюблён безумно. Она красивая, необычайно красивая. Я тону в её глазах. Я смотрю ей в глаза и тону, растворяюсь в них, исчезаю, перестаю быть собой и в то же время обретаю себя, понимаю, что только здесь, в её глазах, происходит рождение меня, тогда как раньше… Ты знаешь, часть меня осталась там, с ней, в этом сне. Как и потом, в другом. Но этот другой сон мне снится часто. Я в лесу. Вокруг какие-то люди, но я их не вижу. Я вижу лес, и этот лес со мной. Понимаешь, мы вместе, как… как любовники, но не в смысле секса, а… Абсолютное единение душ. Знаешь, я всегда считал и считаю язычников более понимающими, чем мы со своим христианством, буддизмом, исламом… Они понимали жизнь, чувствовали её животом, задницей, если

хочешь. Я в лесу. Один, совершенно один. Я исполняю очень древний языческий обряд ЕДИНЕНИЯ. И вдруг лес начинает меняться, он превращается в Город, живой, чувствующий, дышащий Город, Город-личность, Город-дух. Я на одной из главных улиц. Вокруг люди, толпы людей, толпы серых, безликих людей. Они вызывают во мне отвращение, брезгливое отвращение, как те бабки, которые, чтобы получить свою бутылку, стоят у тебя над душой, ещё и недовольные тем, что ты якобы медленно пьёшь. Люди, люди, люди, они кишат вокруг, они воняют страшной, абсолютно лишённой запаха вонью, они толкаются, пачкают меня своей человечностью. На меня нападает ужас отвращения, я начинаю задыхаться, паниковать… Но вот появляется она, моя женщина-нагваль, моя всемирная тоска по несбыточному, невозможному, невыполнимому…

Ты была совсем ещё девочкой. Детская стрижка, слегка пухленькие щёчки, футболка, джинсы, сандалии почти без каблучков. Ты забавно держала папиросу в руке и совсем ещё по-детски щурилась, когда дым попадал в глаза.

Тогда у нас ничего не получилось. Мы были слишком пьяны, слишком возбуждены, слишком… Мы пили крепчайший (по столовой ложке с горкой на чашку) настоящий варёный кофе (другой я не признаю), закусывая его «White-see-channel», или, говоря проще, «Беломорканалом». Ты читала «Соловья и розу», а я любовался тобой. Ты осталась, осталась до утра, несмотря на то, что мама строгая, но мама – это только завтра, тогда как сейчас… Сейчас было нашим, и ты позволила себя раздеть до трусиков, чтобы, юркнув под одеяло, снять последнее вето на любовь, которое тут же было отправлено под подушку…

Меня трясло тогда мелкой дрожью от страсти, которая, о злой рок, сделала меня ни на что не способным. И только утром, после короткого тревожного сна, я смог тебя взять, сонную, очень похожую на маленького ребёнка.

Наша свадебная фотография. Ты, милая… Строгий классический костюм (практичная, ты предпочла его подвенечному платью – куда я его ещё надену), туфли на высоких каблуках (настоящая пытка для тебя, привыкшей к легкой, практичной обуви). На твоём полностью соответствующем протоколу лице улыбка победительницы. Ты выиграла эту партию. А я… Я никогда не умел, вернее, не хотел проигрывать с хорошим лицом… На моём лице траур.

Дяди, тёти, бабушки, дедушки… Толпа родственников саранчой облепила свадебный стол. Идиотские тосты, тошнотворные традиции. Массовик-затейник, не дающий ни пожрать толком, ни покурить… Покупка невесты, машины, загс… Обряд, сценарий которого написан выпускником школы для умалишённых, фотографирование у памятника (что мы, хуже других?). Комсомольское собрание в самом кошмарном его проявлении. Моей же мечтой была свадьба о четырёх головах – я, ты и два свидетеля…

Выиграв бой, ты проиграла войну. Конечно, ты теперь взрослая замужняя женщина. Детские забавы, как и детские болезни… Всё как надо, всё как у людей. Ты и меня пыталась сделать рабом протокола.

Одни воскресные обеды у твоих родственников чего стоили. Они повторялись практически слово в слово, превратив воскресные дни в пытку пошлостью. Твой подвыпивший папик комментировал события в Мире, до которых мне не было никакого дела, или делился жизненным опытом. Он учил нас жить, а сам продолжал класть деньги на книжку. Твоя мама вечно рассуждала о нравах и о том, какой должна быть семья. За столом же все сосредоточенно пытались есть ножом и вилкой (что вам давалось с большим трудом) и мешать сахар без малейшего звука. Однажды у меня зачесался нос…

Наши ссоры начались из-за денег. Я слишком мало для тебя получал и слишком легко зарабатывал. Сознаюсь, я работал не более 4 часов в день, но мне этого хватало. К тому же бизнесменом мне было не стать, характер не тот, да и не хотел я. Тем более что от голода никто не умирал и голиком не ходил. Твоей же маме хотелось иметь зятя-труженика, зятя при карьере и положении, в то время как моя официальная служба не давала мне ровным счётом ничего, кроме стажа в трудовой книжке, честной уплаты налогов и возможности работать не более двух часов в день. Воздав Кесарю Кесарево, я отправлялся домой, где меня ждало хобби, которое как раз и приносило те самые средства к существованию. Хобби тоже отнимало часа по два в день. Оставшееся активное время суток уходило на восхищение древними греками, больше всего на свете ценившими досуг. Твоя же мамочка досуг совсем не ценила, определяя его как леность и тунеядство. И каждый раз после обеда, когда вы уединялись у неё в комнате (ну, не будем мешать мужчинам), ты получала очередное вливание на тему: каким должен быть зять. Она заводила тебя на все сто, и по возвращении домой ты как хорошо выдрессированная собака выполняла команду «фас», омрачая тем самым не только не испорченный твоими родственниками остаток выходного, но

и пару-тройку последующих дней.

Наши «серьезные разговоры» выглядели примерно так:

– Опять ты целый день торчишь за компьютером! – набрасывалась ты на меня. – Лучше бы работать пошёл, как все нормальные люди.

– Я работаю.

– Ты называешь это работой?!

– Я называю это работой.

– Ни хрена не делаешь, целыми днями сидишь за компьютером.

– Что тебе надо?

– Чтобы ты работал, как все нормальные люди.

– Тебе надо, чтобы я где-то шлялся целый день?

– Мне надо, чтобы ты деньги зарабатывал.

– На тех работах, какие ты мне сватаешь, я буду получать ещё меньше.

– По крайней мере, будешь меньше торчать в Интернете.

– Ты предлагаешь мне торчать где-нибудь в бане с тёлками и пивом?

– Ты на самом деле такой дурак или специально надо мной издеваешься?

– Это ты надо мной издеваешься. Хочешь сделать из меня приличного человека, загнать в гроб, а вдобавок заставить целый день ишачить ради таких же денег, которые у нас есть сейчас.

– Я хочу, чтобы ты стал нормальным.

– Как ты? Или как твои папочка с мамочкой?

– А чем тебе не нравятся мои родители?

– Мне всем нравятся твои родители. Это я вам никому не нравлюсь.

– Потому что ты ни хрена не делаешь, чтобы понравиться.

– Если я смогу когда-нибудь понравиться твоей мамаше, то перестану нравиться себе.

– Вот именно. Ты никого не любишь, кроме себя.

– Я люблю тебя.

– Да? И что же ты такого сделал из любви ко мне?

– Сходил на воскресный обед. И даже был немного вежливым.

– Ну, знаешь…

Ты нервно закуривала сигарету. Ты всегда хваталась за сигарету, когда у тебя по какой-либо причине не было нужных слов. Иногда мне казалось, что ты и начала-то курить только ради того, чтобы было чем латать лингвистические дыры в твоём миропорядке.

Такие разговоры, повторяющиеся с регулярностью размеренных сексуальных актов, не могли привести ни к чему хорошему. Мы понимали, что это начало конца, но ничего не могли с собой поделать. По большому же счёту, мы и не пытались ничего поделать с собой, избрав друг друга точками приложения сил, что воистину было сизифовым трудом.

Отчаявшись сотворить из меня человека, ты повернулась к Богу. Сначала это была дань моде, превратившаяся со временем в навязчивую идею замолить грехи. Бедняжка, ты решила, что твоя несчастливая жизнь, непутёвый муж и полное отсутствие перспективы есть не что иное, как наказание за грехи, которые ты теперь пыталась замаливать. Ты расписалась в нашей несостоятельности, решив получить всё то, о чём так долго мечтала, непосредственно из первоисточника.

Я оказался не у дел. Я почти физически ощущал его присутствие даже в нашей постели, что делало меня совершенно несостоятельным как мужчину. Я не мог, не хотел тебя делить ни с кем, даже с Богом. Всё или ничего! Первое время меня это бесило, вгоняло в уныние, лишало сна. Я ревновал, ревновал тебя страшно, при этом я никому не мог пожаловаться на свою ревность. Разве можно ревновать к самому Богу!

Тогда-то и появилась Мага. Милая, нежная Мага, расставившая всё по своим местам. Я начал «много работать», иногда даже по выходным. Я перестал ходить к твоей родне обедать, а ты нашла для этого благовидный предлог. Приличия вроде как были соблюдены, а больше тебя, если честно, ничего и не волновало. К тому же я так сильно уставал на работе, что это вполне извиняло мою ночную холодность, которая тебя вполне устраивала. Я всё чаще ночевал в другой комнате, оставляя тебя наедине с твоим Богом. Каждому своё.

Так мы и жили вполне счастливо, пока, дурочка, ты не испортила всё.

Он был высоким, стройным, красивым, хорошо одевался, умел себя вести, хорошо зарабатывал, читал Толстого и Крейна… Он свободно владел ножом и вилкой, не ковырялся в носу, не ходил в дырявых джинсах, был приличным, вежливым, обходительным, терпеливым. Другими словами, полная моя противоположность, хотя я тоже совсем не урод, не дурак, Толстому предпочитаю Басё, но Крейна люблю, знаю, как разделаться с бифштексом, чтобы гарнир не попал на штаны… Но, увы, я ненавижу условности и приличия, мне плевать на общественное мнение (остальные – это всего лишь человечество), и, что самое страшное, я частенько самозабвенно ковыряюсь пальцем в носу, получая от этого чуть ли не эротическое наслаждение.

Он не был твоим сослуживцем в буквальном смысле этого слова. Он работал на твоём этаже в соседней конторе. Вы часто встречались на лестнице по утрам, выходили одновременно покурить, возвращались с работы сначала в одном

автобусе, а позже, когда у него появился шикарный автомобиль, он часто подвозил тебя домой. Я знаю, милая, ты совсем не думала об измене. Твой Бог (моя скромная особа здесь совершенно ни при чём) не допускал измен. Вы были друзьями, хорошими близкими друзьями. Домой ты его, правда, не приглашала. Ты стеснялась показать ему меня, мою комнату с плакатом «СЕКС – НЕ ДАЙ ЕМУ ОТСОХНУТЬ!» на самом видном месте, мою небритую (в дни, когда я не виделся с Магой) физиономию, моё наплевательское отношение к светскому чёсу, который я мог воспринимать исключительно в изложении Уайльда. В общем, я был не тем мужем, которого ты могла гордо демонстрировать гостям.

Вы предпочитали уютные бары, куда заглядывали практически каждый день после работы, посидеть, покурить, выпить кофе или что-нибудь покрепче. Меня вполне устраивали ваши отношения. С одной стороны, у меня была Мага, с другой, сложившийся жизненный уклад, который я меньше всего на свете хотел менять. Хозяйкой ты была неплохой, а больше мне от тебя ничего не было нужно. Твой роман, как мне казалось, должен был принести нам ещё больше свободы.

Увы, такое положение вещей совсем не устраивало твоего Бога, который требовал искупления греха, а ты согрешила, ты сама не поняла, как согрешила, как согласилась заехать к нему домой. Вы говорили о Толстом, о роли судьбы в жизни человека, о любви, верности, вере и целомудрии…

– Игорь… нам…

Красные пятна на белом лице, трясущийся подбородок. Ты с трудом подбирала слова, делая поистине ельцинские паузы.

– Игорь, нам надо поговорить.

Я посмотрел на тебя непонимающими глазами. Конечно, я понял, я сразу всё понял, на твоём некрасивом в эти минуты лице было написано не только ЧТО, но и ПОЧЕМУ. Ты говорила не со мной, а со своим Богом, ты искупала ГРЕХ, а я был всего лишь частью твоего искупления. Я был статистом, декорацией, японской куклой начальника. И я сыграл свою роль как смог.

– Игорь, дело в том, что… понимаешь… так получилось, что… в общем, я и…

Я стал участником очередного мексиканского сериала с идиотическими до неприличия диалогами. Подобно бесчисленным Мариям и Марианнам, ты долго ходила вокруг да около, прятала голову в песок слов, зарывалась с головой, но так и не решалась произнести это слово. Тебя терзали стыд, раскаяние, злость. Ты злилась на себя, на него, на Толстого с Крейном, на меня за то, что я такой непонятливый, что заставляю тебя глотать раскалённые угли слов вместо того, чтобы мановением руки, кивком головы или движением глаз дать понять, что я всё понял, что дальнейшие объяснения не нужны, что теперь настало время моей реакции и явка с повинной, конечно же, учтена.

Я смотрел на тебя непонимающими глазами, радуясь в душе твоему состоянию. Нет, это не была ревность, это была обида, старая, выдержанная в дубовых бочках души обида. Я злился на тебя за другую измену, за твою единственную измену (измена бывает только одна, всё остальное уже не в счёт) с Богом, который даже трахнуть тебя не мог как следует. Я смотрел на тебя и чувствовал, что даже здесь или там, разговаривая со мной об этом, ты была с ним, ты всегда оставалась с ним, я же просто для тебя ничего не значил.

– Ну, и? – совершенно спокойно спросил я, когда ты выдавила из себя признание.

Теперь остолбенела ты. Бурная сцена, оскорбления, рукопашное выяснение отношений, ты готова была ко всему, кроме совершенно будничного «НУ, И?»…

Глупая, ты принялась повторять своё признание, теперь уже как хорошо выученный урок, теперь уже слова вновь стали словами, произнесённые один раз, они потеряли свою магическую силу.

Как? Вот что меня интересовало в этот момент. Как он тебя взял? Как заставил пойти против воли твоего Боженьки, в чьи уста кто-то вложил: НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ? Чем он тебя взял? Такую набожную и такую правильную? Хотя – какого чёрта! Твоя набожность была ни чем иным, как флиртом с Господом, разрешённым моралью романом на стороне с весьма своеобразной сексуальной подоплёкой. Конечно, твоя новая пассия не бог, зато вместо СЛОВА у него есть весьма конкретный предмет для благословений, которым он и не преминул воспользоваться. К тому же Господь далеко, и таких, как ты, у него миллиарды, а этот с тобой, всегда рядом, всегда вежливый, воспитанный, предупредительный, в меру религиозный. Приличный человек. Настоящий, приличный человек, как в женских романах о высшем свете.

Он читал тебе Крейна, любил для тебя Толстого, смотрел влюблёнными глазами, не позволяя себе ничего лишнего. Есть такая игра в соблазнение. Вовик рядится в педика, а этот в нецелованного ангела. Нет, дорогая, я не ревную. Разве только чуть-чуть. Ревновать вообще глупо. Если она или он хранит верность, ревность может сама спровоцировать измену, ну, а если тебе уже изменили, то ревновать поздно. Ревновать же, когда собственное рыльце покрыто толстым слоем пуха, по моему разумению, вообще недопустимо.

Соблазнение через Толстого. Я пытался представить себе эту сцену. Романтическая обстановка в духе историй «Плейбоя», свечи или звёздное небо. Он говорит о судьбе, иногда называя её роком. «Война и мир»… Человек не волен… Мы должны покориться своей судьбе, такова воля… Как только увидел Вас (они и в постели были на вы)…

– Ну, и? – повторил я вопрос.

– Как!.. Ты!.. Ты…

Ты хватала воздух ртом, не находя слов.

– Ну, изменила, дальше что? Чего ты хочешь?

Тогда ты и бросила мне оскорбление, достойное голливудской мелодрамы середины шестидесятых:

– Ты не мужик!

Глава 4

– А вы хитрая лиса, Дюльсендорф.

– Это, надо полагать, комплимент?

– Всё свернули, закрыли лаборатории, спрятались в этой дыре. Кого вы пытаетесь обмануть?

– Не знаю, скорее всего, себя. Больше всего на свете мы любим обманывать себя. Так уж сложилось.

– Поэтому вы сделали вид, что всё свернули?

– Есть время собирать…

– Я это где-то уже читал. Но почему именно здесь, в этой дыре, почему он?

– Вы слишком наблюдательны для…

– Для дилетанта, вы хотели сказать?

– Вас трудно назвать дилетантом.

– Бог с ним, не в названии дело. Скажите лучше, как успехи?

– Ещё не знаю.

– Не скромничайте.

– Я не скромничаю. Если вы достаточно в курсе, то понимаете или должны понимать, что так называемый результат имеет внезапный, квантовый характер, поэтому говорить о чём-либо в процессе, по меньшей мере…

– Успокойтесь, Дюльсендорф, не надо изливать на меня свою желчь. К тому же я, скорее, жертва, нежели…

– Вы жертва?! Не смешите.

– А ведь это действительно так.

– Ещё кофе?

– Не откажусь. Сегодня вы очень любезны.

– Это потому, что я смирился с вашим существованием. Я слишком стар, чтобы тратить силы на ненужные сантименты.

– Это точно. Вы намного старше, чем можно предположить. Сколько вам лет, Дюльсендорф?

– Это к делу не относится.

– Относится, мой друг, ещё как относится. Столько же не живут? Я прав?

– Ну, я живой. Значит, живут.

– Чем вы там занимались у себя в лаборатории?

– Проблема взаимоотношения человека и власти в условиях…

– Только не говорите, что вы действительно занимались этой ерундой.

– Ерундой? Любовь к вождям, энтузиазм, всенародное счастье, причём, заметьте, без лагерей и аппарата насилия. Вся страна, весь Мир, всё человечество дружными рядами, все как один… Любое правительство…

– И вы действительно работали в этом направлении?

– Несомненно. И долгие годы только над этим.

– Тогда почему же ваш эксперимент провалился?

– Я бы не стал говорить о провале. Большевизм, Третий Рейх… Конечно, пытаться объяснить поведение народных масс исключительно влиянием результатов эксперимента… но и не без того. Тогда мы достигли больших результатов, и массовая апробация была просто необходима, но выявленные в связи с этим недостатки… Кстати, полностью никто не отказывался от технологий. День десантника ещё никто не отменял. Масса людей оббивает

пороги военкоматов, чтобы быть полезными Родине. Кто надо покаялся, кто надо покончил с собой. К тому же всеобщий пароксизм – это не совсем то, чего мы хотели. Слишком уж бросается в глаза.

– К тому же вы не были единственным человеком, для кого путь к власти…

– Здесь я с вами не соглашусь. Власть меня никогда не интересовала. Власть – это хлопотно. К тому же надо быть пешкой, чтобы стремиться стать королём, да простят меня шахматисты. Я стремился к контролю и независимости. Я чужд тщеславия и роскоши – за всё в этой жизни приходится платить. Если продолжить шахматную аналогию, меня больше интересовало то, что находится за пределами доски.

– Так что же случилось, Дюльсендорф?

– Побочные эффекты. Эксперимент стал давать побочные эффекты, и некоторые из них по своему значению были намного важней, нежели эксперимент как таковой.

– Например, бессмертие?

– Ну, о бессмертии говорить ещё рано. Я бы назвал это долголетием.

– Деньги?

– Вы пошлы и мелочны.

– Только не говорите, что вас всё ещё интересовал вопрос лояльности.

– Меня интересовали новые горизонты. К тому же у меня были благоприятные условия для работы. Мне даже не приходилось ничего скрывать. Достаточно было не обращать на некоторые аспекты их внимания. Проблемы появились с вашим исчезновением. Они так и не смогли понять, как вам удалось скрыться в предельно охраняемом месте.

– Не смешите меня, Дюльсендорф, из этого клоповника мог удрать любой.

– Это была только видимость. Одно из условий эксперимента. Но вы действительно ушли помимо нашей воли.

– И как вы это им объяснили?

– Безопасность – не моё дело.

– Вы не стали оправдываться? Умно.

– Я начал шуметь. Потерять такой ценный экземпляр, как вы…

– Поэтому вы охотились за ней?

– Её способности намного сильнее ваших. Этим и объясняется успех…

– Я бы не стал называть это успехом.

– Почему?

– Учитывая её нынешнее положение.

– Её нынешнее положение намного завидней, чем наше с вами, просто вы не хотите этого признавать.

– Знаете, Дюльсендорф, а ведь я собирался вас уничтожить.

– Да? И что вас остановило?

– Я вдруг понял, к чему вы действительно стремитесь. Вы правы, власть или бессмертие – слишком мелкие для этого цели.

– Не стоит об этом вслух.

– Как скажете.

– Это в наших общих интересах. Я ведь тоже кое-что о вас понял.

– Когда?

– Когда вы позволили мне уйти. Вы пытались воссоздать…

– Об этом тоже не будем вслух.

– Хорошо. Не будем так не будем. Знаете, в чём вы просчитались? Вы думали, что я тоже способен… На самом же деле это не так. Мне нужен поводырь. Как, собственно, и вам.

– Мне нужна она.

– Мне тоже. Думаете, она была жертвой?

Глава 5

Лариска. Её появление было столь же закономерным (если, конечно, можно говорить о закономерности в подобных вещах), как доказательство школьной теоремы или результат классически разыгранного гамбита, не говоря уже о законах жанра, которые настойчиво требовали появления…

Мы расходились с тобой, как солнечные лучи, как непараллельные прямые или лучи угла. Наша точка пересечения, о как давно это было, наш незначительный угол расхождения какое-то время ещё создавал иллюзию параллельности, но чем дальше…

Ты всё больше уходила в так называемую приличную жизнь, жизнь, как у всех, тогда как для меня это было хуже смерти. Социальная тюрьма, конечно, не столь страшное явление, как тюрьма государственная или армия, или… Никто тебя не пытается бить, насиловать в задний проход, никто не изобретает изощрённые дембельские шутки, но довлеющая паутина ТАК ПРИНЯТО, ницшеанский дракон ТЫ ДОЛЖЕН, тонкая форма рабства с лоботомией в виде традиций и приличий. Кастрированный серый мирок, в который ко всему

прочему вторгся твой Бог, оттеснив меня на задний план.

Религия затягивала тебя с фатальностью трясины, с обречённостью большого наркоманического синдрома, запечатывая глаза и уши, лишая разума, воли и понимания. Ты могла воспринимать реальность только через призму религиозной дозы, через паутину писания, теряя последнюю критичность и способность мыслить. Первостепенными стали давно уже вымершие слова твоего древнего бога и зажатый в корсет благообличия образ еврейского парня, которому, кстати, ничто человеческое было не чуждо.

Твою жизнь полностью заполняли работа и Бог. Твой босс, обнаружив в тебе ценного сотрудника, решил поднять тебя до нужного уровня при помощи бесчисленного количества учебных семинаров, на которые я отпускал тебя с радостью. Я сажал тебя в самолёт, после чего буквально из аэропорта звонил Ларисе, и мы отправлялись на дачу. Дачу ты не любила. Скорее всего, тебя перекормили в детстве огородами, на которых твоя семейка пыталась выращивать картошку. Для тебя до сих пор дача – это пыль, тяпка и зной. Я же обожал дачу как возможность побыть наедине с природой, отдохнуть от всех этих рож, а в последнее время и как возможность побыть с Ларисой наедине. Она вообще была дитём природы и могла часами гоняться за бабочками. Стоило ей выехать за пределы города, как она тут же превращалась в ребёнка.

Иногда на дачу приезжала и ты. Это случалось, когда тебе надо было кого-то угостить, какого-нибудь важного столичного гостя, которому опостылели рестораны и прочие атрибуты городской жизни. Уха, шашлыки, домашние пирожки, свежий воздух… Эти люди умели ценить изысканность простоты. Не все, но весьма и весьма многие. Ты отправляла меня организовывать праздник, а сама появлялась уже потом, практически перед приездом гостей, когда надо было накрывать на стол (ты мне этого не доверяла). Протокол требовал присутствие мужа за столом, и тут я не пытался выделываться. Для тебя это была карьера, твоя жизнь, то, к чему ты стремилась, и я не хотел портить тебе всё. Более того, я всегда поддерживал тебя в твоих начинаниях. Перестав быть супругами, мы остались неплохими друзьями, к тому же я был далёк от того, чтобы валить на тебя все шишки. Просто мы не сошлись характерами, что ли, но это совсем не значило, что ты или я были плохими. К тому же мы всё ещё оставались мужем и женой.

Тем летним днём мы грелись с Лариской на солнышке на безлюдном участке песка, окружённом с трёх сторон лесом, с четвёртой же путь воображаемым

супостатам преграждала река. Деревня в пятнадцати минутах от города. Музей-заповедник со своими заповедными алкоголиками, разграбленными музеями и действующим монастырем. Здесь не бывало практически никого. Туристы целлюлитной грудой громоздились на так называемом пляже, местные сюда тоже не заходили – далеко от пивных точек. Да к тому же надо было немного пройти по колено в грязи. Но игра стоила свеч.

Лариска, это дитя урбанизации, отправилась бороздить неизвестность в босоножках на высоких каблуках, но держала себя молодцом и даже не хныкала. Вскоре, правда, она вспомнила о пользе ходьбы босиком. Босоножки оказались у меня в руках, а она умилялась всему как маленькая, гонялась за ящерицами, визжала при виде ужа и махала руками, глядя на цаплю. Вылитая кортасаровская Мага. Поэтому я так её и называл.

– А что бы ты мог сделать ради любви? – спросила Мага, сладко потягиваясь.

– Любить.

– Нет, я серьёзно. Чем бы ты мог пожертвовать ради любви? Ради меня, например?

– Не знаю, милая, – я не люблю разговоры о любви в духе женских романов, – сейчас очень легко говорить о том, что сделал бы в какой-нибудь ситуации. Очень легко быть на чужом месте. Гораздо легче, чем на своём.

– А я для тебя готова на всё.

– Ты серьёзно?

– Серьёзней не бывает.

– То есть, ты со всей ответственностью заявляешь, что готова ради меня на всё. Я правильно тебя понял?

– Да, – согласилась она, готовясь к подвоху с моей стороны.

– Тогда брось курить.

– Что?

– Брось курить.

– Что за глупости?!

– А как ты хотела. Сделаю всё – это далеко не всегда означает дам денег или брошусь в воображаемые огонь и воду, тем более что мне от тебя нужно не это. А здесь маленький каждодневный подвиг, причём, заметь, кроме пользы, от него ничего не будет.

– У тебя детство в жопе не отыграло?

– Я тебя за язык не тянул.

– Да, но…

– Хорошо, дорогая, ты можешь курить сколько угодно, но тогда ты должна признать, что все твои слова о любви – пустая болтовня.

– Но я люблю тебя!

– Я верю каждому твоему слову до первой затяжки.

– Ты серьёзно? – Она пристально посмотрела мне в глаза.

– Серьёзней не бывает. Ты же знаешь, я не шучу в подобных вопросах.

– Хорошо. Я больше не курю. Но и ты должен бросить.

– Почему?

– Потому, что это провокация, потому что, когда бросаешь курить, курение близкого человека вызывает отвращение. К тому же раз ты требуешь от меня этой жертвы, значит, ты сам должен быть к ней готов. Я так это понимаю.

– Согласен.

Мага скомкала пачку с оставшимися сигаретами и выбросила в воду.

Домой возвращались молча. Сказывалось никотинное голодание.

– Ты чего такой? – спросила ты прямо с порога.

– Курить бросаю.

– И как?

– Херовей некуда.

– А зачем?

– Хватит. В моём возрасте пора уже начинать думать о здоровье.

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – сказала ты, закуривая сигарету.

– Наверно, – буркнул я и ушёл к себе в комнату.

Следующие две недели прошли просто ужасно. Я не находил себе места. Мало того, что хотелось курить со страшной силой, у меня чесались все зубы, было постоянное ощущение раздражения, меня трясло. Я не мог спать. При этом мне постоянно надо было что-то жевать. Жвачки уходили тоннами, я опустошал холодильник с бешеной скоростью. К концу недели я понял, что, если ничего не предприму, сойду с ума. К тому же ты продолжала курить в квартире, доставляя тем самым мне дополнительные мучения. Маге, наверно, тоже было несладко, но она держалась молодцом и даже звонила мне иногда по телефону. Я же только и делал, что ел и валялся на диване.

Тогда же мы начали спать раздельно. Ты продолжала дымить, как паровоз, а для меня запах табака стал невыносимым. Если вначале он хоть немного снимал состояние абстиненции, то потом у меня возникло стойкое отвращение к запаху табака. Когда же после долгих и упорных боёв я выгнал тебя курить на балкон,

между нами окончательно опустился железный занавес. С Магой…

Мага старше меня на пять лет, и это во многом определяет наши взаимоотношения. Её любовь сопровождалась положенными по штату страхами, истериками и сомнениями. Она боялась каждой молодой ссыкухи, стоило той на меня посмотреть чуть внимательней. Нет, она не устраивала мне совсем уж бурных сцен, ведь она достаточно умна. Она нервничала, переживала в себе, становилась грустной. Мага нервничала ещё и от отсутствия сигарет. Она не курила, не курил и я. Это словно контракт, подписанный кровью. Тогда, на пляже, мы словно бы совершили магический ритуал, отступление от которого подобно смерти. К тому же, только бросив курить, начинаешь понимать, как убивала тебя эта гадость.

Я тоже люблю Магу. Люблю безумно, люблю как никого на свете. Мага для меня всё. Даже дама с вуалью стала меня интересовать постольку поскольку. Одно только присутствие Маги действует, как достаточно крутой кайф, даже зрачки становятся другими.

Я был нянькой, любовником и папочкой в одном флаконе. На конспиративной квартире (мы снимали квартиру) я появлялся несколько раньше её, наводил при необходимости порядок, готовил еду, если мы никуда не шли, перестилал постель. К приходу Маги всё уже было готово. Когда появлялась Мага, я раздевал её, разувал, надевал ей носочки и тапочки, целовал ножки. Я купал её в ванной, кормил в постели, приводил в порядок вещи.

Я получал огромное удовольствие от всех наших маленьких штучек. К тому же Мага… Она капризничала, вредничала, устраивала показательные шоу в присутствии редких посвящённых, но никогда не пыталась трактовать моё поведение как проявление слабости, хотя любая другая на её месте…

С Магой никогда нельзя было угадать ничего заранее, она была непредсказуемой, загадочной, Сфинксом в человеческом обличии. Бывало, мы накидывались друг на друга уже с порога и занимались любовью, как будто делали это в первый и последний раз в жизни. Иногда она была холодная, как полярные льды, и мы могли всё свидание смотреть телевизор, пить чай или просто спать в самом буквальном смысле слова.

Временами Мага срывалась, и тогда на меня сыпались угрозы, подарки, обещания вечной любви. У самой Маги денег нет, но её папочка занимает слишком серьёзное положение, чтобы отказать ей в маленькой просьбе тысяч так на несколько.

Тогда я в миллионный раз пытался ей объяснить:

– Пойми, глупыш, мне ничего этого не надо. Я не гожусь на роль Барби или Альфонса. К тому же в этом случае в наши отношения должен вмешиваться твой папочка, а я этого не хочу. Не спорь, пусть наши отношения остаются нашими отношениями или отношениями между нами. Я люблю тебя, ты любишь меня. Всё. Мне больше ничего не нужно.

– Ты так говоришь, потому что пока не встретил какую-нибудь молодую…

– Ты что, думаешь, я с тобой потому, что никого нет рядом получше? Думаешь, я себе бабу не могу найти?

– Вот видишь…

– Что – видишь? Я с тобой потому, что мне нужна ты, только ты и никто, кроме тебя. Понятно? Я люблю тебя, дуреха ты моя.

Такие разговоры могли длиться до бесконечности, и когда мне надоедало спорить, я брал её практически силой, ей это нравилось, и только в моих объятьях, уже после излияния страсти, она успокаивалась и засыпала. Я засыпал следом.

И вдруг, словно гром среди ясного неба, совершенно неожиданный, странный, нелепый звонок от Маги.

– Выслушай меня внимательно. Только не перебивай. Хорошо? – её голос дрожал и срывался.

– Что… Что случилось, милая?

– Я… я люблю тебя больше жизни, но я должна… Не приходи ко мне больше… и не звони…

– Да что случилось, Мага?!

– Я буду любить тебя всегда…

Короткие гудки срезали меня, как автоматная очередь. Как был в тапочках, я выбежал из дома.

– Такси!

На мой призыв откликнулся старичок в прогнившей и перекошенной «копейке».

– Жми, – я назвал адрес. – За скорость плачу отдельно.

– Понял. – Он рванул с места.

То ли мужик был неразговорчивым, то ли он по моему виду понял, что меня сейчас лучше не трогать, но ехали мы молча, а самое главное, быстро.

Я затарабанил что есть силы в ворота. Я совсем забыл про домофон. Дверь открыла зарёванная Мага.

– Я же просила тебя не приходить…

– Что случилось?

– Я не могу тебе этого объяснить…

– Что случилось, Мага?

– Нам надо расстаться…

– Вы что, сговорились? Вчера жена, сегодня ты?

Мага не обратила на мои слова ровным счётом никакого внимания. Она толком ничего не могла объяснить. Да, она меня любит больше всего на свете, но она должна уехать, надолго. Нет, мы не можем уехать вместе. Всё это она говорила, ревя навзрыд, и вообще она была в истерике. Сказать честно, я был не лучше. Я тоже ревел вовсю, совершенно не скрывая своих слёз. Я любил Магу. Она любила меня, я это видел. Я представить себе не мог, что могло случиться. Она же наотрез отказывалась мне говорить.

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра.

– Во сколько?

– В полдень. У нас ещё есть время.

Я был на грани сумасшествия. Наверно так чувствует себя человек, обречённый на смерть. В моём мозгу работал секундомер, отсчитывая последние наши с Магой секунды. Говорят, что, когда человек пребывает в состоянии аффекта, он ничего позже не помнит. У меня совсем стерлись из памяти эти несколько часов с Магой.

Я пришёл в себя, когда её самолёт взлетел в небо. Я вдруг очнулся в аэропорту посреди зала ожидания. Я был без сил. Если бы сейчас не нашлось сиденья, я бы упал замертво на грязный пол. Как я не попал в милицию? Небритый, всклокоченный, с глазами маньяка, в комнатных тапочках на босу ногу – я так и не обулся. Я вдруг почувствовал глубокую апатию ко всему, словно вместе с Магой меня покинула сама жизнь.

Немного подумав, я взял такси. Дома я слегка переоделся, надел носки и туфли и отправился к Вовику. В тот момент это была единственная альтернатива петле.

Глава 6

У Вовика была пьянка. По крайней мере, во всех окнах горел свет, громыхала музыка, а на балконе курили заметно подвыпившие девицы. «Тем лучше», – подумал я. К тому же, влекомый желанием излить душу, я прихватил с собой бутылку водки. Тем лучше. Будем пить, а не разговоры разговаривать.

В подъезде было как всегда темно. Воняло котами и чем-то кислым. Наверняка опять сосед Вовика сверху или кто-то из его друзей. Повадились, уроды, в подъезде гадить. То обоссут всё, то обрыгают, а один раз даже насрали посреди лестничной площадки. Уже все уборщицы от них поотказывались. Вовик алкашей терпеть не может. Ненавидит их лютой ненавистью. Соседа же своего мордует каждый раз при встрече. И хорошо мордует, основательно. Как он его ещё не прибил? А ведь за такую мразь и посадить могут. Нет, чтобы их отстреливать вместо бродячих собак.

Дождавшись паузы между песнями, я забарабанил ногами в дверь (звонка у него отродясь не было).

– А, это ты? – Вовик был заметно пьян. – Заходи. Пить будешь?

– Буду. Держи, – я протянул ему бутылку.

Немного подумав, или, как любят говорить военные, оценив обстановку, я решил не разуваться. Погода была сухой, а на полу у Вовика был давно мечтающий о мытье линолеум со следами пепла, вина, пива, салата и ещё черти чего.

Как всегда у Вовика был фуршет. Жил Вовик один, готовить терпеть не мог, питался в забегаловках или у друзей. Иногда ходил к матери… Все давно уже поняли, что к нему надо приходить, предварительно плотно покушав, потому что, кроме орешков, чипсов, бутербродов с подозрительной колбасой и иной малосъедобной ерундой, у него ничего не было. Зато выпивки всегда было море.

Я навёл себе водки с тоником, предварительно вымыв стакан. Теперь надо было где-то устроиться так, чтобы меньше бросаться в глаза. Словно бы специально для меня в укромном уголке пустовало вполне подходящее кресло, где я и устроился, прихватив с собой нужные бутылки.

Публика была разношерстной. Несколько подростков (ненавижу слово тинейджеры), одетых, как пародия на бруклинских негров, изрядно пьяный

субъект в костюме и при галстуке, пара наших общих приятелей и, конечно же, девочки наилегчайшего поведения, но бесплатные. Вовик предпочитал блядей.

– Будешь? – Вовик протянул мне ароматную, приятно пахнущую анашёй папиросу.

– Спрашиваешь.

Я глубоко затянулся, сдерживая кашель, чтобы раньше времени не растерять драгоценный дым.

– Подлечи, – буркнул Вовик.

– Сам вижу, – огрызнулся я, обмазывая слюной папиросу.

– Ты чего такой?

– Меня Мага бросила.

– Как?

– Вот так.

– Ни хрена себе! Чего это она?

– Понятия не имею. Она так и не смогла толком ничего объяснить.

– У вас же вроде любовь была?

– Почему – была?

– Так какого…

– Не знаю. Я ничего не знаю. Сначала жена, теперь Мага…

– Может, это у тебя кармическое?

– Хуическое! – выругался я.

– Я сейчас, – сказал Вовик и исчез в туалете, оставив мне внушительную пятку.

Меня как-то сразу прибило к земле. Сказывалось то, что я не курил. Это была ещё не трава, а, скорее, гремучая смесь из табака, положенного на алкоголь. Травка взяла меня позже и, надо сказать, взяла по высшему классу. Я успокоился, погрузился в себя, наблюдая за тем, как анестезия убирает остатки боли из моей души. Я был на качелях, когда наркотическое опьянение сменяется алкогольным и наоборот. Я хотел умереть, покончить с собой, если не взаправду, то хотя бы полностью заглушить себя алкоголем и наркотиками.

С Вовиком мы дружили с детства. У нас была общая страсть, а именно тяжёлый рок. Это было ещё в эпоху бобинных магнитофонов и студий звукозаписи. У Вовика был тогда бобинный «Акай» – мечта любого меломана, а у меня шкаф плёнок и доступ к первым копиям с пластов, с новых забугорных пластов, совсем ещё без «песка», не говоря уже о более крупных дефектах. Фактически мы были обречены на знакомство. Потом были девочки (обычно его подруги, но на моей квартире), выпивка, рок-концерты. Нам даже комсомольские билеты вручали в один день, на открытии памятнику Ленину на главной площади города как лучшим из лучших.

Вовик был единственным из МОИХ друзей, кто знал о Маге.

– Обобщения, – вспомнил я вдруг наш разговор во время вечерней прогулки по городу. Мы часто гуляли с Вовиком по вечернему городу, спускались к реке, забредали в дебри частного сектора, в район трущоб и заброшенных фабрик. Особенно мы любили небольшой райончик, который практически не изменился со времён советской власти. Такие же улицы, дома, магазины. Всё тот же кинотеатр, который когда-то считался очень даже крутым и куда мы ходили в холодные дни пить вино или пиво. Попадая в этот райончик, я вновь оказывался в середине восьмидесятых… Мы садились на любимую лавочку у вечного огня, который заменял нам камин, и открывали дверь в чулан с воспоминаниями. Когда-то один из городских хулиганов попытался жарить на вечном огне курицу, которую он где-то умудрился поймать и разделать. Его тогда забрали в милицию

и избили до такой степени…

– Обобщения, – говорил я, скорее себе, чем Вовику, который думал о чём-то своем, позволяя мне умничать в своё удовольствие, – половина наших проблем существует в результате обобщений. Мир – бардак, бабы – суки, мужики – козлы, молодежь – тупая… и так далее. Мы смотрим друг на друга сквозь прицел-перекрестие осей координат, дающих точное местоположение объекта в бесчисленном множестве классификационных таблиц. Обобщения и принадлежность, обобщения и принадлежность, а каждый… каждая тварь в Мире является уникальным, единственным в своём роде творением, каждый камень, каждая частица… Я, например, знаю одного мужика, бывшего начальника ГАИ. Очень обязательный, порядочный человек, и так далее. Взять хотя бы Лариску. Умная баба, насквозь меня видит, книжки читает, а иногда такое сморозит. А всё почему? Она меня классифицирует, а потом начинает просчитывать моё поведение на основании своей классификации. Я пытаюсь вести себя иначе, но она вбила себе в голову… Она все время ждёт, что я её брошу, найду себе молодую дуру и брошу. Или пакость сделаю в самый неподходящий момент. Тут ещё наши отношения с женой… Лариска ревнует к каждой юбке, боится, что загуляю.

– А ты от неё не гуляешь?

– От Лариски? Ни разу. Даже и не пытался. Не хочу никого больше, даже думать не хочу. К тому же у нас никаких с этим проблем.

– Не гони.

– Да не гоню я! Чего мне перед тобой рисоваться?

– Я такого не понимаю, – Вовик воспринимает личную жизнь как нечто среднее между спортом и охотой, – мне всегда хочется чего-то нового.

– Ты баб за людей не считаешь, для тебя они не более чем средство для получения удовольствия.

– Они не люди.

– Для меня же Лариска важна сама по себе. Она не средство, а цель.

– По мне, так все одинаковые.

– Поэтому ты меня никогда не поймёшь. Мне в первую очередь нужны личные отношения, а потом уже секс, хотя трахаться я обожаю. Личные отношения – это отношения между личностями. Поэтому я никогда не пойду на сторону… при таких, конечно, отношениях, как с Лариской. И это не вопрос нравственности или морали.

– Зря. В этом есть свой кайф, когда чисто животные отношения. Встретились, спарились, разбежались. Ни ухаживать не надо, ничего.

– Ночь, проведенная вместе, ещё не повод для знакомства?

– Вроде того.

– Я вообще всё воспринимаю лично. Бабу же я должен любить хотя бы те пару часов, что мы вместе, к тому же я должен знать, что ей в данный момент нужен я и только я. Потом она может меня вообще забыть, но только потом. Иначе это разврат или скотство. Я всегда люблю своих баб. Иногда недолго, иногда как Лариску, несколько лет, но пока я люблю, я не изменяю.

– Ты заметил, о чём бы мы ни говорили, в конце концов, всё сводится к разговорам о бабах.

– Мы говорили о жизни и жизненном опыте в частности. Всё логично и взаимосвязано.

– Жизненный опыт. Он как героин для наркомана. Это как уважение к старшим. Скорее даже не уважение, а послушание. Ещё лет сто назад это было оправданно. Жизнь изменялась медленно, а до старости ещё надо было суметь дожить. Тогда жизненный опыт имел огромное значение, как, собственно, и традиции. Опыт помогал выжить. Сейчас же каждое следующее поколение живёт в принципиально новой реальности. Мой брат вон на пять лет моложе, а у них совсем другие приколы. Мне нечему его научить. Слишком мы разные.

– Всё равно какой-то опыт…

– Несомненно, но только как информация. Если же я начну от него требовать, чтобы он жил по моим понятиям… Скорее, мне надо у него учиться жизни.

– А я вот недавно пил коньяк и думал. Смотри, масса людей пытается представить себе наши взаимоотношения в виде шахматной игры. А если наоборот? Если взять любую, наобум, шахматную партию и расписать её как какое-нибудь противостояние. Политический кризис, война, разборка. Ходы – это действия основных героев, но каждый ход должна окружать обычная в таких случаях светская шумиха: бабы, водка, газеты, сплетни. Каждая фигура должна иметь свой ранг и социальный статус, иначе это уже не шахматы. И тут меня осенило. Никакие мы не шахматы. Скорее, карты. Причем не благородные игры, вроде преферанса. Даже не «дурак», а «верю – не верю» или какая-нибудь другая фигня. Может, даже не игра, а просто кто-то тасует от нечего делать колоду. Мы встречаемся, расстаёмся, вступаем во взаимодействия, ищем объяснения, ищем логические объяснения, пренебрегаем несущественным, чтобы хоть как-то втиснуть реальность в корсет математики, ищем предназначение, высший смысл бытия, а если два и два не срастаются в четыре, начинаем пить, перестаём бриться, обвиняем во всём дьявола или правительство и ничего не понимаем. Ради чего Господь сотворил нас такими? Ради какой великой цели? А если нет? Если мы – результат скуки, результат вековой скуки создателя, который от нечего делать просто мешает карты? Или, ещё лучше, побочный продукт, отходы, мусор, непереваренные остатки бытия? А мы надеемся, молимся, наделяем его понятными, льстящими нам качествами, ищем порядок и справедливость, а когда не находим, пытаемся объяснить царящий в этом Мире бардак испытанием Божьим или грехами прошлой жизни, тогда как…

– Я тут как-то смотрел целый день сериалы, – перебил меня уставший от проповедей Вовик, – удовольствие получил неимоверное. Они там десятилетиями не могут друг другу отдаться, сохраняя девственность и целомудрие. Я всё время думаю о тех, кто снимает эту фигню. Какими же надо быть циниками, чтобы так ненавидеть людей?

– Вряд ли они ненавидят людей. Они их просто не уважают. Хотя тоже вряд ли. Они их просчитывают, как лабораторных крыс, причём достаточно точно. Так, например, Лёня Голубков – это собирательный образ вкладчиков «МММ», и так далее.

– Вообще, если подумать, нам жилось лучше. Вспомни, какой у нас был Винни-Пух.

– Умный, а у них красочный и пустой. Но у них есть выбор: как ты дурака не науськивай, кроме тошноты, ненависти к настоящей культуре, ничего ты у них не воспитаешь. У дурака сам организм отвергает эту самую культуру. А умные мальчики и девочки будут рыться на книжных полках и в видеоархиве.

– А, по-моему, они сейчас все уткнулись в компьютеры.

– Опять обобщение. Компьютер компьютеру рознь. Для одних – это игры, порно, чаты. Для других – способ что-либо узнать или познакомиться с себе подобными. Представь: сидишь ты в каком-нибудь Урюпинске и в 16 лет читаешь Маркеса, а с Маркесом… Как без компьютера?

– Думаешь, в Москве они умнее?

– В процентном соотношении нет. Но если сравнивать численность населения какого-нибудь поселка Мирный в районе Земли Франца Иосифа и Москвы, то, сам понимаешь.

– Потанцуем? – Она стояла напротив меня. Молодая, стройная, слегка пьяная и слегка, надо думать, развратная. Короткая юбка и облегающие ногу лёгкие сапожки подчеркивали привлекательность её красивых ног – она тоже не стала разуваться.

– Давай, – согласился я, подчиняясь чужой воле, так как собственной у меня больше не было. По крайней мере, сегодня.

Мы составили компанию одной молодой паре. Они были сильно пьяны. Девочка была раздета по пояс и хотела продолжить раздевание и не только, она готова была сделать это буквально здесь же, на диване, с которого нужно было предварительно согнать перепившихся подростков, тупо смотревших в пустой экран телевизора. Кассета давно уже кончилась. Она была готова, но парень был слишком пьян, чтобы это понять. Он вряд ли вообще мог понять хоть что-то после наслоения алкоголя, анаши и, наверно, таблеток или ещё какой

новомодной гадости.

– Только не ЭТО! – сказала она, когда поняла всю двойственность приглашения танцевать в подобной обстановке.

– Не это так не это, – согласился я. Наверно, я бы согласился, если бы она предложила мне выпрыгнуть из окна.

– Давай сначала выпьем.

– Давай. Хотя я и так уже пьян.

– А мы много не будем.

– Почему?

– Почему? – мой вопрос застал её врасплох.

– Ты же уже пьян.

– Слишком пьян, но ещё недостаточно, чтобы… – я потерял мысль.

И мы выпили и ещё выпили, а потом и ещё, чего делать совсем уже было не надо, учитывая даже моё желание напиться до коматозного состояния. Но мы уже выпили, а выпитого не вернёшь, при хорошем, конечно, раскладе, и так уж случилось, что оказались мы с ней на улице, причём совсем одни, и было темно, и наши губы нашли друг друга как бы помимо нашей воли, а найдя друг друга, уже не захотели расставаться. Когда она опомнилась, было уже поздно, мы уже целовались, и я прижимал к себе её жаркое (это чувствовалось даже через одежду) тело, и, поняв, что уже слишком поздно, она ещё сильней прижалась ко мне…

– Может, пройдёмся? – поспешил предложить ей я, видя, что Вовик собирается разгонять народ.

– Куда?

– Куда хочешь. Земля огромная.

– Тогда пойдём на речку.

Ночная река. Тёмная… она только в книжках бывает гладью, постоянно меняющаяся поверхность с танцующей на волнах лунной дорожкой, всплески, будто она шепчет или мурлычет себе под нос… Запах воды.

– Знаешь, здесь я становлюсь язычником. Здесь всё живое… небо, звёзды, река, деревья… они думают, чувствуют, разговаривают… раньше люди это чувствовали… Знаешь, как древние колдуны открывали тайны трав? Они погружались в транс и разговаривали с растениями.

– А ты что чувствуешь?

– Мне кажется, что я их понимаю. Иногда смотрю вот так на здание или просто куда-нибудь между деревьями, и мне кажется, что это дверь в иной мир.

– Правда? – как-то слишком уж серьёзно спросила она. – И давно это у тебя?

– Почти с детства. А ещё я лечить умею. Не сильно, но немного могу.

Мы расстались, когда уже было светло и дома тошнило заспанными, с недовольными лицами людьми. Ей на работу, мне… Мне в самую отвратительную из действительностей, в действительность без Маги.

– Я позвоню, – сказала она у подъезда.

Глава 7

На следующий день мы сидели в кафе «У Лысого» (так мы называли кафе возле памятника Ленину), пили коньяк. Светлана (так звали мою новую знакомую) рассказывала о своём детстве, а я… я бежал от одиночества. Наверно, вчерашний алкоголь ещё не успел окончательно выветриться из организма,

потому что я пьянел со страшной силой. Светлана тоже пьянела. Плюс ко всему она курила одну сигарету за другой, что, конечно же, не могло не сказаться на её состоянии.

– Дай затянуться.

– Возьми целую.

– Я не хочу целую. Просто дай затянуться, если тебя это не напрягает.

– Меня это совсем не напрягает. – Она протянула мне сигарету.

– Я из твоих рук. Можно?

– Сколько угодно. Ещё?

– Нет, пожалуй, хватит.

– Мы закрываемся, – официантка выросла словно из-под земли.

– Что, уже?

– Да. Уже время.

– Хорошо. Сколько с нас?.. Нет, дайте нам ещё две коньяка с собой.

– Сейчас принесу.

– Сдачи не надо.

– Спасибо.

– Ты всегда такой добрый? – спросила меня Светлана, когда мы вышли из кафе.

– Они здесь не избалованные. К тому же я дал ей не так уж и много.

– Куда пойдём?

– Не знаю. Перед нами весь Мир.

– А давай я покажу тебе одно интересное место?

– Далеко?

– Возле железной дороги.

– Пойдём.

– Куда ты меня привела? – спросил я.

С пьяну я не сразу понял, что мы находимся в совершенно незнакомом мне районе, хотя мы с Вовиком облазили город вдоль и поперёк.

– Помнишь, ты вчера мне рассказывал, что видишь как бы ворота в иную реальность.

– Ну…

– Так вот, у меня от них есть ключ.

– Твою мать! И где мы?

– Это город, но такой город, куда обычным людям дороги нет. Это город-сон или сон города.

– Какой же я… Ты, наверно, в душе смеялась, когда я тебе рассказывал вчера о своих чувствах.

– Ничего я вчера не смеялась. Я ещё у Вовика поняла, что ты один из нас.

– Один из кого?

– Один из тех, кто может сюда войти.

– А это сложно?

– И да, и нет. Это должно быть в тебе от природы. А иначе…

– Это сон?

– Совершенно верно. Сны существуют параллельно с нами. Большинство из нас могут с ними взаимодействовать исключительно в особом состоянии сознания или во сне, другие же, и таких немного, способны сознательно перемещаться из одной реальности в другую.

– Ничего не понимаю.

Мы пришли в заброшенный железнодорожный тупик. Рельсы, покрытые толстым слоем ржавчины, лежали среди густой травы. Кое-где между шпал росли молодые деревья. Вокруг без всякой системы стояли железнодорожные вагоны. Некоторые были разрушены почти до основания, другие – совсем как новые, а некоторые из них были даже подключены к линиям электропередач.

– Милое местечко, ничего не скажешь.

– Это сон города, а у городов особые сны. К тому же здесь живёт замечательный человек, с которым я хочу тебя познакомить.

– Здесь, по идее, полно всякого сброда.

– Здесь никого нет, кроме него. Иногда сюда, правда, заходят гости, но это бывает крайне редко.

– Странно…

– Ты ещё не понял? Это сон, настоящий городской сон. Этого места нет и никогда не было в том мире, – она говорила со мной тоном учителя начальных классов, объясняющего нечто очевидное непонятливому ученику.

– Можно подумать, я каждый день по снам шляюсь, – огрызнулся я.

Она ничего на это не ответила.

– Здесь живёт очень замечательный человек, – сказала она, когда мы подошли к одному из вагонов.

– А мы не поздно? Уже глубокая ночь на дворе.

– Мы никогда не поздно. К тому же дверь открывается только в определённое время.

– В полночь?

– Необязательно.

– Я это так, шучу. Честно говоря, в голове не укладывается.

– Ничего, уложится. Для меня, например, это стало более привычным, чем метро или самолёты.

Светлана без стука вошла в вагон и включила свет, быстро найдя выключатель.

– Входи. Карл! Ты дома?

– Для тебя, Светланка, я всегда дома.

– Карл, я не одна.

– Ты не одна?

– Я с другом.

– Что?

– Подожди здесь, – сказала она мне, уходя в глубь вагона.

– Входи, – она вынырнула из купе буквально через пару секунд.

Внутри вагон был перестроен в некое подобие двухкомнатной квартиры со всеми удобствами. Сначала шли туалет и душевая, затем кухня, следом зал-гостиная и, наконец, спальня. Ванную хозяин этого дома на колёсах решил не ставить – все равно он в ванной не парится, для стирки же у него была машина-автомат. Вагон был подключён к горячей и холодной воде и канализации.

Зал был достаточно большим и широким. Он включал в себя не только несколько купе, но и коридор вагона. В зале были складные кресла, стол, небольшой диванчик, книжная полка… и даже печка-буржуйка, превращённая в некое подобие камина. Также возле стола, на полу, стоял настоящий медный самовар, почти как новый, начищенный до блеска.

У двери в зал нас и встретил хозяин. Это ещё крепкий, стареющий мужчина небольшого роста. Он был похож на Зиновия Гердта, причём не только внешне, но и манерой… или нет, не манерой… что-то в его голосе тоже было созвучно с Зиновием Гердтом. Лет ему было около шестидесяти. Его можно было бы вполне назвать милым, если бы в нем не было чего-то отталкивающего. Возможно, мне не понравились его бегающие глаза. Он весь как-то засуетился, застеснялся, покраснел, как девица, впервые увидевшая жениха.

– Знакомьтесь, – сказала Света.

– Игорь, – представился я.

– Карл Дюльсендорф, – сообщил он, протягивая руку для рукопожатия. Разумеется, я её пожал.

– Проходите, молодой человек, присаживайтесь, – пригласил он.

– У вас неприятности? – спросил меня Дюльсендорф, когда с первой бутылкой коньяка было покончено.

– С чего вы взяли?

– У вас потерянный вид.

– Вы правы, господин Дюльсендорф…

– Не называйте меня так!

– Простите, не буду.

– Так меня называл один страшный человек.

– Да?

– Так что с вами стряслось? – вернулся он к теме разговора.

– От меня ушла жена, а потом и любовница, – признался я.

– Вы их любили?

– Жену… Не знаю. Когда-то любил, раз женился.

– Люди женятся по разным причинам.

– Я, наверное, по любви. Потом любовь кончилась.

– Быт?

– Хуже. Быт особо нам не мешал. Она вдруг стала после свадьбы серьёзной, а я как был шалопаем, так и остался. Ненавижу дешёвую провинциальную светскость. Слишком это всё выглядит пошло.

– Поэтому вы расстались с женой?

– Мы не расстались. Мы живём под одной крышей. Иногда даже спим в одной постели, спим в буквальном смысле слова. Два совершенно чужих человека в одной постели.

– Что-то произошло?

– Она променяла меня на другого.

– И вы не вынесли обиды…

– Если честно, то мне было уже всё равно. Мне даже нравилось, что у неё появился он. На самом деле, она меня предала намного раньше. Она изменяла, не таясь, изменяла каждый день, рядом со мной, в одной со мной постели. У меня на глазах.

– Вы не похожи на…

– Она изменяла мне с Богом, а это многое меняет. Изменять с Богом – это прилично, это морально, а сейчас, когда все вдруг стали жутко религиозными, – это модно и почётно. А я даже пожаловаться никому не мог.

– Вы держали всё это в себе?

– Я завёл любовницу.

– Вы сделали это назло жене?

– Нельзя так с людьми. Нельзя использовать кого-то вот так. Любовница-то при чём? Она же не виновата, что у тебя с женой не всё в порядке. Ей за что мстить?

– Вы влюбились?

– Сначала я думал, что это так, ничего серьёзного. Потом понял, что не могу без неё.

– И она ушла? Я вам сочувствую.

– Всё было хорошо, всё было замечательно. И как гром среди ясного неба. Не понимаю…

Меня прорвало. Я говорил и не мог остановиться. Я рассказал этому странному человеку всё или почти всё. Нет, про даму с вуалью я ничего ему не сказал. Что-то во мне заставило меня молчать. Какие-то внутренние инстинкты сигнализировали об опасности. Иначе я, наверно, рассказал бы и про неё. Со мной случилось то, что в гуманистической психологии называется катарсис. Вся та боль, которую я пытался глушить в последние дни, вылилась, превратилась в слова, которые текли из меня сплошным потоком.

Дюльсендорф, надо отдать ему должное, слушал (или делал вид, что слушает) с тем сочувствующим вниманием, которое заставляет продолжать говорить ещё и ещё. Светлана во время моего монолога стояла за моей спиной и гладила мои волосы. Она тоже поддерживала меня как могла, за что я был ей искренне благодарен. Она была моим врачом реаниматором, ангелом – хранителем, спасением. Она прекрасно понимала свою роль и не претендовала на большее. Вот только для чего ей был я? Но тогда я не хотел об этом думать. Тогда я совсем не хотел об этом думать. Тогда я вообще не хотел ни о чём думать.

– А я потерял всё, что можно было потерять, – Дюльсендорф совсем опьянел и теперь он делился со мной наболевшим. – Ко мне пришёл очень страшный человек с двумя не менее страшными друзьями…

«О, тогда я жил не в этой дыре, да и был совсем другим, преуспевающим человеком в полном расцвете сил. Я был счастлив. У меня была любимая жена. Мы ждали ребенка. Все было хорошо, пока в мой дом не ворвались они. Их было трое. Три страшных человека: Ганс – вылитый эсесовец. Знаете таких, чистая нация, голубая кровь и любовь к утончённому унижению второсортных людей. Я для них был второсортным. Второй был похож на гориллу, его звали Генрихом. Не знаю, зачем они взяли себе немецкие имена. В том, что это не настоящие имена, я уверен на все сто. Третий, главный, назвал себя Каменевым, что тоже вряд ли было его настоящим именем. Он был похож на следователя ГПУ, расследующего дело о врагах народа. У него были страшные глаза ненависти.

– Здравствуйте, господин Дюльсендорф, не ожидали? – Каменев был сама любезность, но от этого мне было ещё страшней.

– Я не понимаю…

– Сейчас вы всё поймете. Мне нужно от вас одно одолжение.

– Какое?

– Профессор Цветиков, кажется… Знаете такого?

Мои волосы поднялись дыбом.

– Вижу, знаете.

Я знал Цветикова. Противоречивая фигура, словно бы вышедшая из-под пера Федора Михайловича. Он был руководителем бесчеловечных экспериментов над людьми. Мы познакомились, когда я оказался жертвой одного из таких экспериментов. Не знаю, чем я ему так понравился, но он вытащил меня оттуда, спас мне жизнь. Это был визит из прошлого, из страшного бесчеловечного прошлого. И вот это прошлое вернулось в лице троицы, жаждущей мести. У них были свои счёты с Цветиковым. Какие? – я не хотел этого знать.

– Так же как и вы, – я понял, что Каменев тоже был жертвой эксперимента.

– О нет, Дюльсендорф, не так же. Совсем не так же.

Я не стал с ним спорить.

– Что вы хотите?

– Мы хотим с ним встретиться. Надеюсь, вы нам поможете?

– Неужели вы думаете, что я могу знать что-либо о таком человеке, как Цветиков, и оставаться в живых?

– Что ж, Дюльсендорф. Придётся разговаривать в другом месте.

Они надели мне мешок на голову, вывели из дома, посадили в машину. Когда же с меня его сняли, мои ноги подкосились от страха. Меня привезли в одну из бывших лабораторий Цветикова. Это не предвещало ничего хорошего. Меня бросили в комнату, полностью обитую поролоном. Вы должны были видеть такие в кино. Так обычно показывают палаты для буйных душевнобольных. Меня закрыли там и выключили свет.

Когда ко мне пришёл Каменев (прошла целая вечность), я был на грани нервного срыва.

– Здравствуйте, господин Дюльсендорф. Как спалось на новом месте? Сон загадывали?

– Где моя жена? – спросил его я.

– О, за неё не волнуйтесь. Она в полном порядке.

– Я хочу её видеть.

– Нет ничего проще. Помогите мне найти Цветикова, и мы отвезём вас обратно домой.

– Я не знаю, где он.

– Вы не знаете… я вам верю. Вы действительно не знаете наверняка, где он, но вы можете знать, где он может быть, его привычки, интересы. Вы могли совершенно случайно узнать о нём нечто важное, некую зацепку. Пожалуйста, вспомните, помогите нам…

– Я ничего не знаю.

– Я совершенно не вижу у вас желания с нами сотрудничать.

– Поймите, я с радостью бы вам помог, но я не знаю, где он. Мы не виделись несколько лет.

– Я вам верю, господин Дюльсендорф, верю всему, кроме слов «с радостью». Но я прошу вас помочь нам. Напрячь память, воображение, интеллект. Вы же умный человек, Дюльсендорф.

– Но я действительно ничего не знаю.

– Послушайте, Дюльсендорф… Я попытаюсь догадаться… Я, кажется, понял, вам недостаточно того, что я вас прошу об одолжении. Но, может быть, другая просьба заставит вас быть более сговорчивым. Я попрошу вас пройти со мной.

Меня привели в одно из рабочих помещений лаборатории и усадили в особое кресло – детище профессора Цветикова. Это кресло позволяло фиксировать пациента, полностью лишая его возможности двигаться.

– Может, вы избавите нас от всего этого? А, Дюльсендорф? – спросил меня Каменев.

– Я уже сказал вам, что ничего не знаю.

– Ну что ж, Дюльсендорф, это ваш выбор. Генрих.

Генрих принялся, не торопясь, фиксировать меня в кресле.

– Ганс, – сказал Каменев, когда я был прочно прикручен к креслу.

Я приготовился к боли, но они приготовили для меня нечто более изощрённое, чем физическая боль. Ганс вышел из комнаты. Буквально через минуту он вернулся с сыном моего хорошего друга. Его рот был заклеен скотчем.

– Итак, господин Дюльсендорф, надеюсь, просьба этого человека значит для вас несколько больше, чем моя. Не заставляйте его умалять вас проявить благоразумие.

– Но я действительно ничего не знаю.

– Хорошо. Ганс, Генрих. Прошу вас, джентльмены.

Они медленно, нарочито медленно связали ему ноги, перекинули верёвку через блок, прикреплённый к потолку. Они подвесили его за ноги метра на полтора над полом.

– Одно ваше слово, Дюльсендорф, и всё тут же закончится.

– Я ничего не знаю.

– Джентльмены.

Ганс и Генрих взяли по бейсбольной бите и принялись медленно избивать ни в чём не повинного парня. Они били его медленно, нанося не более двух-трёх ударов в минуту, ломали ему ребра, руки, ноги… Я что-то кричал, молил о пощаде, рыдал, угрожал, умалял вновь. Я был на грани сумасшествия…

Они кинули труп парня в мою комнату. На этот раз они оставили включённым свет.

– Ну, как ваши дела, Дюльсендорф? – спросил меня Каменев тоном доброго доктора во время следующего своего визита. – О, нельзя же так. На вас лица нет. Сегодня вы плохо выглядите, мой друг. Бессонница? Я понимаю, вы, наверно, пытались вспомнить, ведь правда? Надеюсь, вы мне скажете, шепнёте на ушко одно или несколько слов. И мы расстанемся, так сказать, друзьями, хотя нет. Я бы не хотел быть вашим другом после того, как вы мне продемонстрировали вчера своё отношение к друзьям. А вот я готов пойти вам навстречу. Вчера вы сказали, что хотите встретиться с женой, и вот сейчас вы её увидите. Вы не хотите в благодарность мне что-то сказать? Нет? Вы неблагодарный человек, Дюльсендорф. Пойдёмте.

Меня привели в ту же комнату, что и вчера, усадили на стул, зафиксировали. Затем Ганс привёл жену.

– Ну что, Дюльсендорф, ваше слово.

– Я вам сказал.

– Что ж, вы сами во всём виноваты.

В комнату вошли какие-то грязные отвратительные бродяги и принялись насиловать мою беременную жену у меня на глазах.

– Дочь! У него есть дочь! – закричал я.

– Где? Говорите, Дюльсендор.

– Остановите их, я всё скажу!

Ганс и Генрих оттащили бродяг от жены, а я рассказал им, где живёт его девочка. Я понимал, что они с ней сделают. Фактически я выносил ей смертный приговор, но я не мог… был не в состоянии смотреть, как…

– Вот видите, Дюльсендорф, при желании вы оказали нам очень большую услугу, и мы отпустим вас и вашу жену. Хотя нет, она перенесла невыносимые страдания, к тому же наверняка ребёнок уже не будет здоровым. Или будет? Ганс?

– Не знаю. Я думаю, лучше проверить.

– Ну так проверьте.

Тогда Ганс ударил её ножом в живот. Она медленно опускалась вниз, а нож продолжал резать её тело. Она рухнула на пол, но перед этим… из неё выпало всё… и… клянусь богом… я видел… это невозможно, но я видел… я видел, как на пол упал наш неродившийся ребёнок…»

Глава 8

Я никогда не был слишком уж впечатлительным, но рассказ Дюльсендорфа подействовал на меня так, словно всё это произошло не с ним, а со мной. Я был убит, уничтожен, размазан, как кусок масла по булке. Это было словно в кошмарном сне. Конечно, если верить Светлане, которой, кстати, совсем не было смысла меня обманывать, это и был сон, самый настоящий сон объевшегося на

ночь Города. Бред, Тарковщина или «Пикник на обочине» со своим сталкером в мини-юбке. Или, что уже более правдоподобно, алкогольный делирий во всей своей красе. Я вдруг ощутил себя героем американского фильма ужасов, пытающегося при помощи своего жалкого умишки втиснуть необъяснимое в рамки патентованного американского опять-таки здравого смысла. С одной стороны, это было весьма забавно, с другой… Подобные скептики обычно погибали в первую очередь, и это совсем не внушало мне оптимистичного взгляда на жизнь. Шестое чувство уверенно твердило мне, что это далеко не плод подогретого лошадиной дозой (лошади столько не пьют) алкоголя воображения, а самая что ни на есть не прикрытая ничем реальность. В такую реальность я меньше всего хотел бы верить. Хотя, с другой стороны, не так важно, в какую реальность веришь ты, намного важнее, какая реальность верит в тебя.

Рассудок напрочь отказывался принимать то, что говорил странный человек с экзотической фамилией Дюльсендорф. Его рассказ был невероятным, невозможным, неправдоподобным, в конце концов, но у меня в ушах всё ещё стоял его крик, обрушивший на меня безграничность человеческого горя. Он рассказывал совершенно спокойно, я бы даже сказал, безучастно, как на его глазах погибали любимая жена и неродившийся ребёнок, он говорил, словно речь шла о погоде на завтра или иных совершенно несущественных мелочах. Он закончил рассказ, сделал большой глоток прямо из бутылки и зарыдал или зарычал, я даже не знаю, как назвать его полный отчаянья вопль. Он рыдал без слёз, он кричал, закрыв руками лицо, ничего не видя и не слыша. Для него ничего больше не было во всём мире, кроме горя, вечного, бесконечного горя, над которым…

– Помоги. Не сиди как пень, – вывела меня из ступора Света.

– Что?

– Давай его переложим на диван. Ты в состоянии?

– У меня весь хмель прошёл.

– Вот и хорошо. Бери его… Не урони только.

Её предупреждение было более чем уместным. Дюльсендорф, несмотря на свою тщедушную внешность, оказался достаточно тяжёлым. Его тело было жилистым, мускулистым и совсем не дряблым. Мне бы такое тело. Он был словно боец ушу или ниндзя, «переодетый» в старика. Так в старых китайских фильмах про единоборства молодых актёров гримировали под стариков. Будь я в другом состоянии или расположении духа, меня наверняка бы насторожило подобное несоответствие формы и содержания, но тогда… Тогда я хотел как можно быстрее убраться из этого чёртового тупика. В общем, думать я начал только после того, как свершилось непоправимое, и мне пришлось, что называется, в принудительном порядке срочно анализировать ситуацию. Тогда же я только матерился и тащил тяжёлое тело молодого старика на диван, который был, слава богу, в двух шагах от стола.

– Давай быстрее, – поторопил я Светлану.

Меня терзал страх вперемешку с тем отвращением, которое возникает у людей при виде змей или некоторых насекомых. Я боялся Дюльсендорфа, как прокажённого или больного чумой. Едва я выбрался из вагончика, как меня вырвало прямо на ступеньки.

– Зашибись, – услышал я почему-то далекий голос Светы, – Карл будет доволен.

– Да пошла ты со своим Карлом!

– Пошли уже.

Она взяла меня за руку чуть повыше локтя и потащила за собой. Как маленького.

Дома я первым делом скинул с себя всю одежду и отправил в корзину для грязного белья, словно боялся, что на ней остались испарения или, лучше сказать, миазмы Дюльсендорфа со всей его отвратительной реальностью, способные проникнуть каким-то образом в меня и отравить мою и без того не очень счастливую жизнь, и принял душ. Никогда ещё я не мылся с таким остервенением. Если бы было можно, я бы, наверно, содрал с себя всю кожу, вырвал бы желудок и лёгкие, чтобы только окончательно избавиться от всего, что хоть как-то соприкасалось с Дюльсендорфом. Я извёл на себя целый кусок мыла, стараясь смыть малейшие воспоминания. Я вернулся домой из чумного района и теперь проходил санобработку.

Супруга моя была на очередном семинаре, и это меня радовало. Не надо было придумывать объяснения своему поведению. Правду я ей всё равно не смог бы сказать. Во-первых, она бы не поверила. Слишком уж взрослый и здравый у неё рассудок. Во-вторых… Во-вторых, вполне достаточно и во-первых.

Надо было исчезнуть, спрятаться, скрыться от всех и вся. Я никого не хотел видеть, а уж тем более Светлану или Дюльсендорфа. Я был настолько возбуждён, что до самого утра ходил по квартире из комнаты в комнату, оставляя после себя мокрые следы. Я даже не подумал о том, чтобы одеться или вытереться. Утром я позвонил на работу, сказал, что заболел (нет, ничего серьёзного, возможно, грипп), затем переключил телефон на автоответчик, принял сразу две таблетки феназепама и забрался с головой под одеяло.

Я провалялся в постели больше суток, но чувствовал себя полностью разбитым. Тело болело и совсем не хотело двигаться, как обычно, когда слишком долго валяешься в постели. Крепкий кофе, душ… к зарядке тело отнеслось с нескрываемой враждебностью, и, махнув пару раз руками, я решил заменить её прогулкой. Почему бы не посидеть на лавочке в парке со стаканчиком мороженого? Весна, птички, девочки… банально, но мило.

– Игорь! Привет!

Дима собственной персоной. Как обычно немного пьяный и слегка неряшливый. Мы не виделись… Сколько же мы не виделись? С тех пор, как он вообразил себя гением литературы, Дима редко показывался на людях, предпочитая сидеть дома за машинкой образца тридцатых или сороковых годов. Машинку он нашёл на чердаке у деда, экспроприировавшего её в одном из немецких штабов во время войны. Принёс он её с войны в качестве контрибуции да и положил на чердак. Дима привёл всё в порядок, почистил, смазал, кое-что заменил, и стала машинка вполне сносно печатать. Писать он начал ещё в школе и начал, как это водится, со стихов. Вполне, кстати, приличные были стихи. А буквально с год назад переключился вдруг на прозу. После нескольких неудачных рассказов (Дима их порвал, так и не дав никому прочесть), позволивших ему набить немного руку, он переключился на роман о себе, отвлекаясь иногда на небольшие рассказы. Рассказы он писал совершенно разные, от экстремально – бредовых до романтических, в духе Куприна, частенько очень даже приличных. Телевизор он не смотрел, только видак, радио не слушал, газет отродясь не

читал, при этом он всегда был в курсе и всегда оказывался в нужных местах.

– Пойдём куда-нибудь посидим? – предложил он.

– Мне лучше лишний раз не светиться, – признался я.

– Теряешься?

Я кивнул.

– От кого?

– Да есть тут…

– Обещал жениться?

Я скривился.

– Должен денег?

Я скривился ещё сильней.

– Не знаешь, как от неё отвязаться?

– Я вообще ничего не знаю.

– Ну, это излечимо. Берём пиво, и ко мне.

– Тапочки? Хотя можешь не разуваться. Я ещё не убирал.

Дима жил в однокомнатной квартире «хрущёвского» типа. Он убрал все перегородки, оставив разве что стены ванной и туалета (совмещённых). Кухня отделялась от жилой части квартиры исключительно цветом отделки. Такими вещами, как уборка или приготовление пищи, он занимался исключительно по вдохновению. Он мог не браться за веник неделями, что не мешало ему принимать гостей, среди которых нередко попадались и весьма симпатичные

девочки.

– Садись на диван. Сейчас всё приготовлю.

Дима брезгливо сложил грязную посуду в и без того полную мойку, смахнул крошки прямо на пол, протёр стол отбивающей своим видом аппетит тряпкой. Немного подумав, он помыл стаканы.

– Курить будешь? – Он кинул на стол пакет анаши и пачку папирос.

– Меня и без этого глючит.

– Жизнь кипит?

– Кипит, чтоб её.

– Рассказывай.

– Чего рассказывать: жена ушла, любовница тоже. Познакомился с бабой…

– А ты уверен, что тебе это не приснилось? – спросил он, когда я пересказал ему историю Дюльсендорфа.

– Иди ты…

– Подожди. Это, конечно, мистично, увлекательно, стильно, но ты бы поверил, если бы тебе кто-нибудь рассказал что-нибудь похожее?

– Наверно, нет. Зря я тебе рассказал, проехали.

– Подожди. Давай плясать от фактов.

– Какие тебе ещё факты?

– Хреново тебе. Это факт? Факт. Далее… ну, с женой всё понятно, тебя это не беспокоит. Любовница, говоришь, так толком ничего и не смогла тебе объяснить, ну да тоже бывает, потом эта у Вовика, и сразу к своему Будапешту…

– Дюльсендорфу.

– Один хрен. Послушай, а что тебе здесь не нравится? Ну, напились где-то у чёрта на рогах, ну, услышал сентиментальный бред старого мудака. Ну и что?

– Не знаю. Это как боязнь тараканов. Глупо и в то же время ничего с собой не можешь сделать.

– Жрать будешь? – спросил вдруг Дима.

– Нет.

– А я пожру. Мне после пива всегда есть хочется.

– У тебя ж наверняка ни хрена нет.

– У меня есть макароны и тяй.

– Тяй с макаронами?

– Ты предлагаешь есть его без макарон?

– Не знаю, тяй с макаронами…

– Ты буржуазен, и это когда-нибудь тебя погубит. Сходи лучше ещё за пивом.

В ларьке юная особа увлечённо читала «Мастера и Маргариту». Какие продвинутые у нас продавцы, подумал я, но не стал обыгрывать эту тему. Не сейчас, хотя, наверное, это было бы интересно. Немного подумав, я взял к пиву чипсы (не травиться же голыми макаронами).

Пока я ходил, Дима успел приготовиться к трапезе. Он бухнул хорошую порцию тяя прямо в кастрюлю с макаронами (воду он слил) и разделся до пояса, чтобы не заляпать рубашку. Адепт неаккуратности, он предпочитал есть раздетым, обильно роняя еду на покрытый густой шерстью живот, а потом, вылитая обезьяна, выбирал всё руками, отправляя самые аппетитные крошки в рот.

– А это здесь зачем? – спросил я, увидев мелкий гребень, который Дима положил рядом с тарелкой.

– Это для чистки животика. Думаешь, наука стоит на месте?

– Ты вычёсываешь этим?!

– А почему бы и нет? Что тебе не нравится?

Я представил себе Диму, вычёсывающего макароны из растительности на животе, и мне стало вдруг весело. Теория Дарвина, фильм первый. Превращение обезьяны в человека! Наверно, это была разрядка, катарсис или истерика. Я смеялся, как ненормальный, смеялся до слёз, сначала над Димой, потом над собой, над своими страхами, бедами, проблемами. Я вдруг представил всё это со стороны…

– Ты чего? – спросил Дима, когда я наконец остановился.

– Ничего… это от нервов.

– Лечились бы вы, барин.

– Так наливай лекарство.

– Может, папироску?

– Можно и папироску, – я был смел и весел, как заяц во хмелю.

– Слушай, а как ты умудряешься сюда баб водить? – спросил вдруг я, выпустив наркотический дым изо рта.

– Я никого не вожу. Ко мне все приходят сами.

– Тем более. Тут вертишься, стараешься, всё для неё делаешь…

– Это от незнания элементарных основ.

– Чего?

– Основ. Вселенная основана на вращениях, и ты либо в центре, либо нет.

– Это как-то и без соплей…

– Без соплей, – передразнил меня Дима, – я стараюсь быть центром.

– Все стараются быть центрами.

– Чушь. Все стараются вертеться, я же, наоборот, стремлюсь к полной неподвижности.

– Под лежачий камень…

– Это такая же чушь, как уборка листьев в саду. У нас сосед по даче во время субботников, наоборот, загонял к себе на дачу несколько машин с листьями. Так у него груши были… Одной хватало, чтобы наесться. Так вот. Стоит тебе обрести неподвижность, как вокруг тебя тут же начинается движение. Ты становишься центром маленькой вселенной. Ты как паук сидишь в центре паутины, а вокруг происходит жизнь. Мир начинает вращаться вокруг тебя.

Я представил себе Диму в центре патины, держащего лапки на пульсе событий и чешущего свой лохматый, обильно сдобренный макаронами и пивом живот, и мне стало совсем спокойно. Захотелось даже новых приключений.

– Пойдём, может, правда, куда-нибудь посидим? – предложил я.

– Куда пойдём?

– К Лысому.

– К Лысому так к Лысому.

Едва мы устроились за столом кафе, как перед нами появилась Светлана собственной персоной.

– Привет, – сказала она.

– Здравствуйте. Вы Светлана? – Дима посмотрел на неё так, что только двойного лорнета ему не хватало. – Мне Игорь о вас много рассказывал.

– Садись, – я пододвинул стул, – что будешь?

– Кофе. Кофе и мороженое.

– Может…

– Нет, – отрезала она. Светлана была злой.

Над столом повисла пауза.

– Ладно, пойду, – засобирался Дима.

– Кто я, по-твоему? – спросила Света, и этот её вопрос не предвещал ничего хорошего.

– Что?

– По-твоему, со мной можно вот так?

– Как?

– Ты знаешь как. Если не хочешь меня видеть, так и скажи, но зачем прятаться по углам?

– Ты не так поняла…

– Не зли меня.

– Нет, правда. После истории твоего сумасшедшего друга…

– Он не сумасшедший!

– Хорошо… Мне надо было побыть наедине. Слишком уж как-то было муторно.

– Наедине. Ну и торчи наедине! Надумаешь – звони. Только не опоздай. – Она бросила на стол бумажку с номером и быстро вышла из кафе.

Глава 9

Постепенно моя жизнь начала обустраиваться на новом квантовом уровне. Похоже, не только элементарные частицы имеют двойственную природу. Частица-волна или человек-квант. Мы тоже, подобно электронам, существуем на своего рода стационарных орбитах. Любое изменение орбиты вызывает у нас чувство дискомфорта, независимо от того, повышается квантовое число, а следовательно, социально-личностный статус, или наоборот, понижается. И только заново утвердившись на новой стационарной орбите, мы говорим себе «фух», переводим дыхание и начинаем новую жизнь.

Дима по-своему прав. Перестав вертеться, уйдя с квантовых орбит, можно стать ядром или центром вселенной, вокруг которого будут плясать новые электроны. Надо только обладать массой покоя, что, увы, дано далеко не каждому. У меня, судя по всему, массы покоя не было, и мне, словно мотыльку, чья лампочка перегорела, необходимо было лететь во тьме в поисках новой пустой орбиты соответствующей мне величины, чтобы вновь обрести себя или хотя бы иллюзию себя, что меня вполне устраивало.

Таким центром был Дюльсендорф. Светланка не была, да и не могла стать центром в силу своей природной слабости или отсутствия массы покоя. Она была транспортом или той силой, что, придав правильное ускорение, вывела меня на

новую орбиту вокруг Дюльсендорфа.

Наталья для меня тоже никогда не была центром, да и вращались мы в несколько иных плоскостях, которые, не спорю, пересекались, после чего расходились вновь.

Настоящим центром стала для меня Мага, моя милая Мага, поэтому её потеря и явилась потерей всего. Я потерял свой центр, своё вращение, своё квантовое число. Я готов был вращаться вокруг чего угодно, даже вокруг Светланы, для которой при других обстоятельствах сам мог бы стать иллюзией центра.

Что же касательно Дюльсендорфа, то он был не просто центром, а центрищем, некоей чёрной дырой, пожирающей всё, что приближалось к нему достаточно близко. Я был слишком слаб, слишком инертен, слишком поглощён своими проблемами, чтобы не то что попытаться вырваться из-под его влияния, а даже заметить, что несусь с бешеным ускорением по уменьшающейся спирали.

Мы бежали к нему со всех ног, стоило калитке между мирами образовать достаточную щель, чтобы можно было протиснуться. Это была паранаркотическая зависимость, которая, тем не менее, мною совершенно не осознавалась. Я просыпался утром, выпивал кофе, после чего сразу же звонил Светланке. Она назначала мне встречу у Лысого, и мы шли к Дюльсендорфу, или приглашала к себе в однокомнатную квартиру, слишком нежилую для настоящего дома. Скорее всего, квартира появилась специально для наших встреч, и будь я хоть чуть-чуть повнимательней… но, кроме постели, меня тогда мало что волновало. Я спешил слиться с ней в любовных объятиях, иногда не удосужившись даже как следует раздеться. Стоило ей оказаться в пределе досягаемости, я буквально взрывался страстью, хотя на расстоянии мог о ней даже и не вспомнить ни разу за весь день. О Маге я почти что не думал, за исключением приступов сожаления, когда в очередной раз остро осознавал, что ничего подобного в моей жизни больше не будет, а будет лишь стихающая боль утраты. Зато дама с вуалью вновь заняла первое место в моём сознании. Я буквально осязал связь между Дюльсендорфом, экспериментом и ей.

Я прочно осваивал свою новую орбиту. Наталья меня покинула окончательно и бесповоротно. Она съехала к родителям, оставив мне старую квартиру, кстати, мою. Себе же она купила новую, улучшенной планировки, которую теперь приводила в божеский вид бригада строителей. Она сама занималась разводом, который был нужен ей, чтобы выйти замуж за своего принца на белом

«Мерседесе». Я был за неё искренне рад. На работе меня отправили в отпуск за свой счёт, что тоже не могло не радовать. Работал я исключительно ради стажа: на то, что они называли зарплатой, можно было скромно существовать дней пять, если не платить за коммуналку. Шабашек у меня хватало, к тому же они отнимали не так много времени. В общем, я был совершенно свободен.

Я начал привыкать к Дюльсендорфу, к его квартирке, к манере поведения, манере говорить. Он больше не вызывал во мне брезгливого отвращения, перестал быть неким запредельным тараканом в супе. Он стал для меня пришельцем из других миров. Он рассказывал удивительную, невероятную, страшную историю, в реальность которой я не мог поверить. Слишком уж была она невероятна для нашей реальности, хотя в нашей реальности, а особенно в той её части, что носила название СССР, возможна любая мерзость со стороны правительства, включая всевозможные эксперименты над своим народом. Хотя, с другой стороны, в плане правительства наша страна в принципе ничуть не хуже, да и не лучше других.

«Тогда я вёл свободный образ жизни или попросту бродяжничал, – рассказывал Дюльсендорф. – Иногда устраивался на работу, иногда занимался шабашками, не без того, но большей частью старался не утруждать себя заботой о хлебе насущном. Я был бродягой-романтиком, таким, какими в своё время были Горький, Шаляпин и многие другие. Я упивался свободой духа, предпочитая её благополучию тела. Выглядел я всегда прилично, более того, всегда имел чистую рубашку в запасе и новые носки. Пить я почти не пил, вернее, пил, но как любой нормальный человек.

Не помню, куда мы тогда шли. Нас было человек пять весёлых парней. Шли мы, скорее всего, на юг, туда, где светит солнце, где плещется море и где можно было иногда закосить под отдыхающих в столовой одного из бесчисленных санаториев или домов отдыха.

Застряли мы в каком-то зачуханном городишке с незапоминающимся названием. С электрички нас сняли, пообещав отправить в милицию, на автобус денег не было, автостопом ехать в ночь было гиблым делом. Решили переночевать в городе, утром провести операцию «Пушнина» – собрать и сдать бутылки, если ничего иного не подвернется под руку, и разделиться. Место следующей встречи решили обсудить утром. Немного поблукав, мы обнаружили весьма подходящий дом под снос, куда было не так уж и трудно проникнуть.

Мы только-только успели расположиться на ночлег, только-только закончили ужин: хлеб, кильки, дешёвое вино, одна бутылка на всех, чисто для аппетита, – как к нам нагрянули гости. Их было человек пять в милицейской форме, но без оружия и знаков различия.

– Всем оставаться на местах!

Какой там на местах. Руки в ноги, и кто куда – к этой братии лучше не попадаться. Я, естественно, попытался вскочить на ноги, но не тут-то было. Меня словно бы парализовало. Я не то что бежать – пошевелиться не мог. Я был словно во сне, когда все движения либо нарочито замедленные, либо совсем замираешь на месте, и надо срочно что-то делать. Потеряв равновесие, мы, как кули с дерьмом, повалились на землю, а они, не торопясь, они совсем не торопились, взяли нас под руки, вывели из здания и погрузили в машину, такую же, как пьяноуборочный комбайн, но совершенно без окон. И только после того, как за нами захлопнулась дверь и защёлкнулся замок, в жаркой, воняющей пылью и бензином темноте будки к нам пришёл мучительный страх неизвестности и чувство абсолютной беспомощности. В тот момент я бы с радостью сдался в руки милиции, настоящей советской милиции с настоящим советским правосудием. То, что они были кем угодно, но только не ментами, было понятно даже дошкольнику. Менты так не умеют. Менты сначала всей толпой тебя ловят, потом бьют, потом… ГБ-шники? Возможно, и они, но зачем мы им сдались, и откуда у них такая сила?

Неизвестность пугала, и чем больше я об этом думал, тем сильнее меня охватывал страх. Боялся не только я. Мы все сидели тихо в тёмной будке, боясь даже громко дышать, словно невидимость в этой темноте нам могла хоть как-то помочь. А может, мы были там всё ещё под воздействием силы? По крайней мере, мы сидели тихо и не мешали процессу транспортировки.

Нас везли долго. Очень долго. Конечно, темнота и страх превращали каждое мгновение в вечность, но даже с учетом этого нас везли как минимум день. Целый день без остановки, без воды, без пищи, не выпуская даже в туалет. Скорее всего, мы делали под себя, не замечая этого, потому что к концу поездки запахи были невыносимыми.

Наконец, машина остановилась, с лязгом открылась дверь. Яркий свет заставил закрыть глаза.

– Выходи.

Инстинктивно, прячась от света, мы забились в самый дальний конец будки, сжались в комочки и закрыли глаза, точно слепые котята. Кто-то запрыгнул в будку. Меня без церемоний, но и без лишней жестокости извлекли из машины. Тело было ватным и совсем не слушалось. Ноги подкосились и я сел на землю. Глаза всё ещё оставались закрытыми. Через несколько секунд покоя я смог открыть их и осмотреться:

Мы находились на сравнительно большой ровной асфальтированной площадке размером с теннисный корт. Скорее всего, это и был корт, только без сетки и разметки, или разметка была, я уже сейчас не помню. Корт был огорожен мелкой рабицей. Вокруг были деревья. Огромные липы, берёзы, сосны. И цветы. Здесь было море цветов. Воздух благоухал.

– Стройся, – приказал человек в милицейской форме.

Мы кое-как построились.

– Направо. За мной, шагом марш.

Шагом марш у нас, конечно, не получилось, но мы покорно шли за ним. По бокам от нас и сзади шли конвоиры, настроенные совсем не дружелюбно.

Нас вывели из корта и по выложенной плиткой дорожке привели в небольшое здание, стоящее особняком. Это была баня. Не настоящая баня со всеми её атрибутами, а, скорее, душевая на несколько кабинок. Там нам приказали раздеться. Все наши вещи сразу же сгребли в большой контейнер для мусора. Потом под присмотром милиционеров мы долго мылись с мылом. Душевые были чистыми и просторными, вода самой приятной температуры, мыло и шампунь из дорогих. Затем, уже в другом предбаннике, нас встретили люди в белых халатах. Передав нас, менты удалились. Нам выдали пижаму, новенькую и по размеру, привели в порядок волосы (там был и парикмахер) и запустили в соседнюю комнату, где нас посадили в удобные кресла возле журнальных столиков, на которых лежали журналы, газеты, брошюры и прочая обычная в таких случаях дребедень.

Примерно через равные промежутки времени, достаточно большие, чтобы устать от ожидания, один из нас скрывался за единственной, кроме входной, массивной дверью, откуда никто не возвращался назад.

– Ты, – сказал мне санитар, говоря тем самым, что теперь моя очередь.

Я не спеша поднялся с кресла.

– Быстрее! – Он подтолкнул меня к двери.

Я оказался в большом, просторном кабинете, больше напоминающем ангар, битком набитом оборудованием, вокруг которого с деловым видом сновали люди в белых халатах. «Вот тебе и поликлиника для опытов», – подумал я, но улыбаться даже в душе мне совсем не захотелось.

Медосмотр. Меня почти что разобрали на части, меня крутили, вертели, сажали на тренажёры, обвешивали проводами, просвечивали, выкачивали кровь, мочу, выдавливали из меня дерьмо… О подобном осмотре мне даже читать не приходилось. Космонавтов, скорее всего, и тех так не осматривают. Затем, когда я уже был готов отдать богу душу, меня усадили за стол, вручили карандаш и бесконечное количество анкетных бланков с бесконечным количеством дурацких вопросов типа: «Что Вы предпочитаете: гольф или теннис?»

Наконец, весь измочаленный, я предстал перед очами председателя комиссии, который, бегло глянув на меня и даже не глядя в моё дело, нехотя бросил:

– Дверь № 1. Смотри, не перепутай.

Из этого кабинета действительно было два выхода или две двери. Дверь № 1 и № 2. Что было за второй дверью, я, слава богу, так и не узнал. А вот за первой дверью находилась ещё одна приёмная, где меня угостили бутербродами и кофе, а потом позволили подремать в кресле. Оттуда, из приёмной, я отправился совсем не в кабинет, меня так никто и не принял, а в большую просторную столовую, где уже был накрыт стол на троих. Двое отсеялись в процессе отбора.

– Не повезло ребятам, – сказал кто-то из нас, глядя на великолепие в тарелках.

Не повезло. Нам всем не повезло, и неизвестно, кому не повезло сильнее: нам, оставшимся в живых, или им. Хотя я до сих пор не знаю, что с ними стало. То, что они погибли, – это факт, но убили ли их сразу или пустили на иной, не менее безжалостный эксперимент…

После ужина, это был ужин – медосмотр продолжался целый день, – нас поместили в большую больничную палату, где мы вырубились, едва добрались до постелей, чистейших постелей на удобных больших кроватях.

Подняли нас в 8 часов утра. Полчаса на умывание и одевание (нам выдали спортивные костюмы и кеды) и построение у главного входа. Всего нас было человек сто – сто пятьдесят, мужчины, женщины, дети. Минут пять на построение, затем бегом, но не быстро (мы не в армии), а трусцой, не торопясь, для поднятия настроения. Затем зарядка на живописной лесной поляне, за которой кроме санитаров наблюдали пара белок, заяц и ещё один небольшой потешный зверёк. Звери здесь были ручными.

После зарядки душ и завтрак – овсянка, бутерброд с джемом и чашка горячего крепкого чая. Столовая поразила меня чистотой, уютом и комфортом. Вечером мне было уже не до таких вот подробностей. Удобные мягкие кресла, белоснежные скатерти, стерильный, чище, чем в операционной, пол, вымытая до блеска посуда. И цветы. Море цветов в причудливых горшках и кадках. Даже на каждом столе стоял цветок в красивом горшке. Рвать цветы, как нам сказали позже, было запрещено.

После зарядки мы вернулись, до следующих распоряжений, в палаты. Делать было совершенно нечего, и я, вспомнив, как Карлсон жаловался Малышу на бессонницу (ночью я сплю, до обеда тоже, а вот после обеда не могу глаз сомкнуть), лёг вздремнуть до этих самых следующих распоряжений. Сквозь сон я слышал, как санитары выкрикивали фамилии.

– Дюльсендорф!

– Что?

– Дюльсендорф! Тебе особое приглашение надо? – услышал я над собой недовольный мужской голос.

– Извините, я задремал.

– Поднимайся.

– Куда?

– К главному.

Я быстро поднялся на ноги.

– Я готов.

– Пошли.

Санитар провёл меня через весь корпус и оставил в огромной приемной, где в неприступной крепости из техники и телефонов сидела строгого вида молодая тощая особа.

– Дюльсендорф, – сказал ей санитар и вышел.

– Садитесь, – сказала она, так и не взглянув в мою сторону.

Я сел в мягкое удобное кресло и уставился в никуда.

– Дюльсендорф!

От неожиданности я подпрыгнул.

– Вас ждут, – сказала она, также глядя куда-то в сторону.

Я для приличия постучал и, не дожидаясь приглашения, вошёл внутрь.

Кабинет был огромным, просторным, выполненным в мягких тонах большей частью серого цвета. Возле огромного окна стоял большой стол с мягким удобным креслом, стоившим, наверно, целое состояние. Рядом со столом стояли тоже удобные, дорогие кресла, но попроще. Вдоль стен были стеллажи с

книгами, папками, кассетами и прочей ерундой. Излишеств в кабинете не было. Всё было выполнено в стиле изысканной простоты.

За столом сидел мужчина в белом халате, удивительно похожий на доктора Айболита из чёрно-белого детского фильма. Он что-то сосредоточенно писал.

– Здравствуйте, – сказал я нерешительно.

– Здравствуйте. Проходите, присаживайтесь, – он показал рукой на кресло сбоку стола.

– Папироску? – Он протянул мне пачку «Герцеговины флор» – точь-в-точь такие курил Сталин.

– Не откажусь.

Он дал мне прикурить, и я затянулся дымом дорогого хорошего табака.

– Как вам тут у нас? Нравится? – Он улыбнулся обворожительной улыбкой и посмотрел на меня добрыми, удивительно добрыми, проницательными глазами.

Он смотрел на меня, и я полностью терял контроль… нет, не контроль… ладно, пусть будет контроль. Он смотрел на меня, и я чувствовал, что меня накрывает волна неведомого мне ранее экстаза. Этот человек, совершенно незнакомый, чужой человек с добрыми глазами становился для меня самым родным, самым близким существом на всём белом свете. Он был моим богом, этот человек с внешностью доброго доктора. Он – Бог, мой единственный Бог, которому я готов был служить всю оставшуюся жизнь. Прикажи он, и я, не раздумывая, покончил бы с собой или убил бы кого угодно, даже родную мать. Он же улыбнулся мне ещё раз своей обворожительной улыбкой и совершенно спокойно, без грома и молний или неземного света, который обычно сопровождает явления бога, спросил:

– Как устроились?

– Замечательно, – ответил я, – лучше, чем в раю.

– Лучше, чем в раю? – Он ещё раз улыбнулся. – Что ж, рад, что вам здесь понравилось, м…

– Дюльсендорф, Карл Дюльсендорф.

– А я профессор Цветиков, или Марк Израилевич Цветиков, если вам так удобней.

Если мне так удобней! Мне! Я чувствовал себя… пылинка на его туфлях по сравнению со мной казалась мне целой вселенной! Этот человек полностью покорил меня, уничтожил, сделал фанатичным почитателем себя. Даже сейчас, спустя много лет, спустя годы и годы анализирования тех событий, я чувствую в душе трепет и благоговение, когда говорю об этом человеке. И это несмотря на то, что именно он обрёк меня на бесчеловечные мучения эксперимента, к тому же из-за него погибли моя беременная жена и неродившийся ребёнок.

– Нас ждёт большое будущее, Дюльсендорф, – сказал он мне, давая понять, что наш разговор окончен, – помните об этом.

Обед прошёл в неестественной тишине. Все переживали встречу с Цветиковым, по крайней мере, так мне тогда казалось. Нас стало значительно меньше. Человек двадцать так и не попали на обед, царствие им небесное. Возможно, их расстреляли тут же, в лесу, или прокатили на спецмашине, которые частенько применялись у нас в эпоху построения большевизма. Этакая душегубка на колёсах, когда выхлопные газы подаются прямо в будку. Хотя вряд ли. Скорее всего, они тоже пошли как материал для какого-то эксперимента.

После обеда было кино. Показывали один из тех голливудских фильмов, где о развитии сюжета и финале можно узнать уже буквально с первых титров. Я сыто дремал в мягком кресле кинотеатра, изредка обращая внимание на экран. Я был счастлив. Почти. Что-то в глубине души не давало мне покоя. Какая-то тревога прочно удерживала моё сердце.

– Сразу после еды построение возле столовой! – прокричал дежурный санитар и закашлялся.

Шёл пятый день нашего заточения, пятый день жесточайшего отбора. Каждый день отсеивалось по несколько человек, и к этому дню нас осталось: 20 мужчин, 20 женщин и 10 детей возрастом от 8 до 14 лет.

В столовой все только и говорили о предстоящем построении, означающем только одно: перемены. Одни ждали перемен, другие боялись, третьи старались ни о чём не думать, четвёртые…

До меня долетали отдельные фразы из всеобщего гула голосов.

– Настало время, – произнёс напыщенно толстячок с багровой лысиной.

– А что вы такой торжественный? – вступила в разговор бесцветная дама средних лет в больших, портящих её очках.

– Ну как же? Время миссии наступило, – ответил мужичок и посмотрел на даму так, словно она одна не знала о миссии.

– Какой миссии? Вы о чём? – не унималась дама.

– Ну как же… Нас собрали, выбрали лучших…

– Вот-вот, – перебил его молодой парень спортивного вида, – отобрали, весь вопрос в том, для чего?

– А может, нас всё-таки отпустят? – заметила девица лет 16 с прыщавым лицом.

– Щас, догонят и ещё отпустят, – оборвала её дама в очках, – так бы тебя тут кормили, чтобы отпустить.

– Всё ж лучше, чем неизвестность, – вздохнул старичок с семитским лицом.

Всё верно, неизвестность была хуже всего. С самого утра у меня болела душа, ныло сердце и было повышенное желание сбежать, спрятаться, забраться под кровать. Это была паника соло, паника одного человека.

На построении санитары провели перекличку, потом пересчитали нас, словно мы могли куда-нибудь деться с этой подлодки, и только после этого повели в кинотеатр.

На сцену по случаю водрузили небольшую трибуну, возле которой стояли рослые санитары. Нас разместили в передних рядах. Через несколько минут на трибуну быстрой походкой взошёл сам Цветиков.

– Товарищи! – начал он свою речь. – Вас отобрали для добровольного участия в социально-психологическом эксперименте. Вам предстоит провести здесь какое-то время, строго выполняя все наши требования. Требований, или правил, будет немного, но каждое из них, я повторяю, каждое, обязательно для исполнения. Иногда правила будут меняться…

– Вы говорите, добровольного. А если я захочу отказаться? – перебил Цветикова здоровый битюг.

– Вы можете уйти.

– Что, просто встать и уйти?

– Сначала вам надо будет подписать некоторые бумаги, и всё, собственно. Хотите выйти из эксперимента?

– Да нет, я просто так, – смутился битюг и поспешно сел на место.

– Ещё вопросы есть?

Больше вопросов не было.

– Тогда я продолжу. Причиной проведения эксперимента стал рост преступности как у нас в стране, так и во всём мире. До сегодняшнего дня не было придумано ни одного более или менее удачного способа борьбы с преступлениями. Все усилия общества направлены на наказание лиц, уже совершивших преступление, или на жалкие потуги профилактики преступности. В результате, даже в идеальном случае мы имеем уже факт совершённого преступления, то есть урон уже нанесён и теперь общество вынуждено тратить значительные

средства на поимку, суд и содержание преступника в течение срока, предусмотренного законом, после чего он выходит на свободу ещё более матёрым преступником. Мы же решили принципиально иначе обозначить проблему. Для нас преступник – это фактически больной человек, неспособный адаптироваться в существующих условиях обитания. Следовательно, преступность, как и любую другую болезнь, следует диагностировать и лечить. Никаких судов, никаких сложных доказательств виновности. Выявление на самой ранней стадии развития симптомов болезни и лечение в специальных медицинских учреждениях. Вот цель нашей с вами работы. В чём же состоит суть данного конкретного эксперимента, я, увы, не вправе вам сообщить.

После этих слов профессор быстрым шагом вышел из зала.

– А теперь, – прокричал дежурный санитар, – вы должны заполнить анкету и подписать кое-какие бумаги. Те же, кто не желает участвовать в эксперименте, могут подойти ко мне.

Говорят, что человек, как и любая другая скотина, способен чувствовать приближение опасности. Наверно, это так, потому что никто из нас не отказался от эксперимента, ибо это была бы неминуемая смерть. Теперь-то я знаю, что стало с теми беднягами, которые оказались негодными для участия в эксперименте.

Вечером нам устроили небольшую вечеринку с пивом и танцами. Эксперимент начинался утром.

Утром нас разбудила весёлая музыка, которая была повсюду. Радиоприёмники были установлены в каждой комнате, включая ванную и туалет, да и на улице почти на каждом столбе висел репродуктор. Это был не то марш, не то фокстрот, я сейчас уже и не помню.

– Доброе утро, дорогие участники эксперимента! Поздравляем вас с первым днём этого великого события нашей жизни, – говорил весёлый мужской голос точно как в радиопередачах для пионеров, – сегодня суббота, день первый. Теперь каждое утро мы будем называть день недели и число, показывающее количество дней от начала эксперимента. С новой эрой – эрой эксперимента! Итак, повторяю, сегодня суббота, первое число. У вас есть тридцать минут на зарядку и столько же на утренний туалет. Да, чуть не забыл, начиная с

сегодняшнего дня, зарядка является добровольной и становится личным делом каждого из вас. После зарядки праздничный завтрак с шампанским, но не злоупотребляйте. Впереди у вас тяжёлый организационный день. По окончании завтрака всем необходимо собраться в кинотеатре для получения дальнейших инструкций. Удачи.

Радио замолчало. В груди вновь проснулось то неприятное чувство, которое не покидало меня с момента ареста. Оно засыпало, просыпалось, превращалось в панический страх, утихало до еле ощутимой тревоги, но бесследно не исчезало никогда. Чтобы как-то развеяться, я умылся холодной водой (ненавижу эту процедуру), быстро собрался и вышел из дома. У входа в нерешительности толпились почти все. Народ по инерции вышел на зарядку, но, не увидев дежурного санитара, командующего построением, люди, словно стадо баранов, оставшихся без вожака, сбились в кучу, не зная, что им теперь делать. Они жалобно блеяли и жались плотнее друг к другу.

Я сделал несколько взмахов руками и побежал. Стадное чувство мне было незнакомо.

– Карл, ты куда? – услышал я удивлённый голос.

Ко мне подбежал Жора Михеев, неплохой, но совершенно безвольный тип.

– На зарядку, – спокойно ответил я.

– Но… – он не знал даже, что сказать, бедняга.

– С сегодняшнего дня зарядка является личным делом каждого, – передразнил я голос диктора и, видя его непонимание, добавил, – каждый делает зарядку, когда хочет, как хочет и если хочет.

– Это точно?

– Точнее не уточнишь.

– Так можно того, вообще ничего не делать?

– Сколько угодно.

– Отлично! – сказал он, остановился и тут же закурил.

Завтрак действительно был великолепным. Особенно удивило меня шампанское. Согласно этикетке, это было самое обычное «Советское шампанское», но вкус… Я вспомнил, как когда-то давно меня угостили правительственной, из обкомовских, колбасой. Там тоже, кроме названия, не было ничего общего с народным прототипом.

Сразу после еды нас собрали в кинотеатре. На этот раз говорил дежурный врач:

– Дорогие друзья! Разрешите вас поздравить с началом эксперимента и пожелать успехов, успехов и ещё раз успехов. Сегодня наш с вами первый день. Сразу отсюда вы пойдёте в соседнее здание, которое с завтрашнего дня будет играть роль поликлиники. Там вы пройдёте регистрацию, получите свой первый аванс, запишетесь на работу, получите адрес и ключи от квартиры. Далее, сегодня для вас открываются и будут работать все магазины. Вы сможете купить в рамках своего аванса, что пожелаете. Жить сначала вы будете по двое. Ключи и адреса выбираются в случайном порядке. Потом сможете всё это сами изменить. Единственно что, вам придётся после каждой перемены места жительства сообщать свой новый адрес дежурному врачу или санитару. Работа, как и зарядка, теперь являются добровольными, но отныне вы будете проживать здесь за свой счёт. Также вы сможете покупать каждый раз обеды или заказать оптом комплексное питание, гарантировав себе регулярную еду и отсутствие головной боли по поводу пропитания. Ваши комнаты оснащены по минимуму всем необходимым, включая минимум одежды. Остальное вы сможете докупить в магазине. Так же, как и везде у нас, есть свои законы. Для вас это инструкции. Их надо соблюдать неукоснительно. Нарушение инструкции – это особо тяжкое преступление, которое будет караться достаточно серьёзно. Также обязательным для вас будет посещение терапии или особых киносеансов. Пропуск терапии, наверно, самое тяжкое нарушение распорядка. Со временем инструкции будут изменяться, о чём мы будем вас информировать заранее по радио. Также на территории эксперимента будут работать круглосуточные кафе и рестораны. На этом всё. Можете быть свободны.

Все вскочили как угорелые и побежали занимать места в очереди. Я же решил не спешить. Я был уверен, что здесь давно уже всё распределено, включая квартиры и рабочие места, так что спешить было нечего. Я, не торопясь, вышел

на улицу, сел на лавочку и закурил.

– Вы позволите? – это был Цветиков.

– Конечно, садитесь. Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Ничего, если я вас буду звать Дюльсендорфом? Нравится мне ваша фамилия. Звучная и необычная. Как и вы сами.

Я не знал, что во мне показалось ему звучным и необычным, но решил ничего об этом не говорить. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы денег не просило.

– Хотите чаю? Настоящего хорошего чаю?

– Индийский?

– Зачем. Грузинский, но собранный вручную, когда надо, как надо, кем надо и где надо.

– Не откажусь.

Он махнул рукой, и перед нами возник небольшой стол с чаем и пирожками.

Чай был действительно замечательный. Свежий, горячий, крепкий. С богатой вкусовой гаммой. Чай был приготовлен по всем правилам, так, как мне объяснял когда-то один бродяга. Не люблю слово бомж. Бомж – это как-то унизительно. А бродяга… Джек Лондон, Шаляпин, Горький были бродягами. Так вот, чай надо заваривать крепким и пить крепким и свежим, не разбавляя водой. Если же от чая вдруг затошнит, значит, всё, норма. Тогда надо взять хлебную корку, макнуть её в соль и съесть. Тошнота пройдёт. Цветиков пил именно такой чай. Нам подали его в дорогих чашках тонкой работы. Цветиков ненавидел стаканы. Он всегда говорил, что чай из стаканов пьют только комиссары и пассажиры поездов. Приличные же люди пьют чай или из чашек, или из пиал.

– Мы на вас возлагаем большие надежды, – сказал мне за чаем Цветиков.

Я внимательно на него посмотрел.

– Я не могу сказать вам больше, тогда эксперимент потеряет свою чистоту, единственно, о чём бы я хотел вас попросить, – это отнестись со всей серьезностью к происходящему. Конечно, многое вы не будете понимать, многое покажется вам неприемлемым, но вы не должны забывать, что это эксперимент, направленный на благо человечества, и если некоторые моменты способны приносить боль, то скальпель хирурга тоже приносит боль, однако же это боль во благо. Помните это, Дюльснендорф.

Разговор был окончен. Я ещё выкурил сигарету и отправился на регистрацию. Передо мной ждала своей очереди пара неудачников, торчащих всё это время в душном коридоре. Эти тоже спешили получить свою похлёбку первыми, но волею судьбы оказались разве что впереди меня – человека, который никуда не спешит. Я не участник собачьих бегов. Пусть другие носятся за пластиковой костью на потеху зевакам, я же давно потерял интерес к этим химерам.

Регистрация напоминала медкомиссию в военкомате. Та же очередь, те же сквозные кабинеты, из одного попадаешь в следующий, и т. д. Я получил свой расчётный номер, получил ключи, получил аванс – тетрадный лист, на котором прописью было написано «сто рублей» и стояла печать. Получил разнарядку на работу. Мне надлежало работать по улучшению территории. Замечательно. Ничего не имею против труда по силам на свежем воздухе. Перетруждаться, естественно, никто не собирался.

Уладив формальности, я отправился домой. Мне досталась маленькая однокомнатная квартирка на третьем этаже с крохотной кухонькой, маленьким балкончиком, совмещённым санузлом и небольшой комнатой на все случаи жизни. Квартирка была недавно отремонтирована, и в ней ещё пахло краской. Не понимаю, по какому принципу подбираются и вообще производятся все эти отвратительного цвета обои, линолеумы, краски…

В квартире было всё необходимое. Даже посуда и постельное бельё. Можно было вполне отказаться от бега с препятствиями по магазинам, толкотни с согражданами и прочей общественной жизни.

Соседа моего ещё не было, и я решил его подождать. Я лёг на кровать, закурил и уставился в потолок. Всё вроде бы складывалось хорошо. Эксперимент мне начинал даже нравиться, но что-то продолжало сосать у меня под ложечкой.

Вскоре, пыхтя и отдуваясь, в квартиру ввалился сосед. Это был лысеющий мужчина лет пятидесяти в метровой толщины очках. Не то чтобы мы с ним не были знакомы – в наших условиях это было практически невозможно, но, если я не ошибаюсь, мы ни разу не обмолвились словом. Я не особо лез со знакомствами, да и он держался большей частью в стороне. Он, словно муравей дохлую гусеницу, тащил невообразимых размеров и формы свёрток с покупками: в основном всякие причиндалы для дома, которыми обычно занимается хозяйка, пирожные к чаю и фарфоровую кису, которую мы тут же окрестили Будённым. Сразу было видно, что он домашний, хозяйственный человек, представитель одной из ныне современных семей, где муж и жена незаметно поменялись ролями.

– Подождите, я помогу.

– Валентин. – Он протянул мне руку, когда куль (единственное пришедшее на ум определение его свёртка) был втащен в квартиру, а его содержимое благополучно разложено по полкам.

– Дюльсендорф, – почему-то назвал я фамилию, – вообще-то меня зовут Карл, но Дюльсендорф мне нравится больше. – Я пожал его руку.

– Будем знакомы.

Я что-то похожее пробурчал в ответ. Ненавижу фразы типа «очень приятно» или «рад был познакомиться». Пошлятина, но в подобных ситуациях лично мне ничего оригинального в голову не приходит.

– Давай, может, по пиву? – предложил я.

– Пойдём, – охотно согласился он.

Кафе было несколько. Маленькие, на четыре-пять столиков, они казались естественным элементом ландшафта среди цветов и деревьев. Уютные столики

идеальной чистоты, мягкие удобные кресла, приятные официантки. И пиво, настоящее вкусное пиво. Такое пиво я пил только один раз, когда попал на день рожденья к дочке директора пивкомбината. Тогда он нас угощал пивом из своей «особой бочки».

Мы заказали пиво и сосиски. Сосед попытался было сам за себя заплатить, но я пресёк эту его попытку на корню.

– Вы и так, наверно, потратили весь аванс на благоустройство жилья. Я же не догадался даже бутылку взять, так что угостить – это моя почётная обязанность, и не возражайте.

Он и не возражал.

– Честно говоря, я думал, что будет хуже, – разговорился сосед за второй кружкой пива, – после того, что мне наговорили, здесь просто рай.

– Вам говорили об эксперименте? – чуть не подпрыгнул я.

– Да нет. Я понятия не имел об эксперименте, а когда меня взяли, думал, всё, конец. Там бы я не выжил.

– Влипли куда-то?

– Именно влип как кур в ощип. У меня жена, дочки. Надя и Галя. Замечательные. Умные девочки. Работал я на заводе технологом. Зарплата, сами понимаете, какая. Звёзд с неба не хватал, пресмыкаться не пресмыкался. В партию вовремя не вступил. Семью же содержать надо. Вот я и подрабатывал, печатая на печатной машинке. Деньги не большие, но вместе с зарплатой уже что-то. Однажды мне принесли какую-то книгу, затёртую третью или четвёртую машинописную копию, настолько неразборчивую, что о многих словах приходилось догадываться. Деньги пообещали хорошие. За это меня и взяли. Оказывается, мне подсунули запрещённый самиздат, который, получилось, я распространял. Следователю я рассказал всё сразу, не дожидаясь, когда начнут обрабатывать. Он выслушал меня внимательно, потом предложил на выбор: добровольное участие в эксперименте или пребывание в местах заключения по всей строгости закона. Здесь на меня не то, что судимость… здесь я вроде как герой.

Мы выпили ещё, и его окончательно развезло. Он принялся рассказывать мне о жене. Жену он любил до обожания и в то же время боялся. Дома всё делал сам, не представляя себе жизни вдали от обожаемого каблука. К тому же по его словам она была красавица, а он никакими такими достоинствами не отличался. В общем, она могла бы найти себе другого, но выбрала его, за что он и был ей несказанно благодарен.

Самое главное и самое неоценённое человеческое благо – это стабильность. Мы способны привыкнуть к любой жизни, к любым мало-мальски подходящим условиям для существования, если у нас для этого есть необходимое количество времени. Можно жить в богатстве, в нищете, прикованным к инвалидному креслу или постели. Люди умудрялись жить даже в лагерях смерти, и некоторые из них живы до сих пор. Нас угнетают бедность, одиночество, отсутствие любви или здоровья? Нет и ещё раз нет! Нас угнетает потеря, реальная или вымышленная, когда мы в мечтах имеем то, что приходится терять по возвращении в реальность. Но дайте немного времени, и мы уже не помним имена любимых, без которых не могли прожить и минуты. Конечно, есть любители перемен, но их перемены не более чем стабильное изменение условий бытия, и стоит нарушиться этой текучей стабильности, как весь мир для них превращается в хаос.

Постепенно жизнь входила в своё русло. Работа была совсем не пыльной, правда, творческой её тоже трудно было назвать. Обычно приходилось выполнять задания, требующие однообразного, монотонного труда. Это с лихвой компенсировалось зарплатой, которой хватало за глаза. Шмотки меня не интересовали, выпивка и дорогая жратва требовались не так уж и часто, а больше тратить было не на что. Я выкупил отдельную комнату и был сам себе хозяином.

Каждый обустраивался как мог. Многие брали на воспитание детей, увеличивая за счёт этого жилплощадь, да и пополнение в семейный бюджет было немаленьким – детям платили очень даже приличное пособие. Некоторые из нас поженились, разменялись и жили семьями. Были дамочки, открывшие настоящий бордель. Брали они по-божески, да и дело своё любили, так что популярность их быстро достигла максимального значения. Захаживал к ним и я, если не мог найти какую-нибудь бесплатную блядь. Таких у нас, как, собственно, и везде, было достаточно. Были у нас и откровенные алкаши, которые нигде не

работали, жили скопом в самой отвратительной квартире, сдавая в наём остальное жильё, за что и пили.

Главным недостатком нашего бытия были махровое однообразие и мёртвая скука. Дни протекали как один бесконечный день. Работа, терапия, кино, кафе, секс… мы медленно двигались по кольцевой, наматывая оборот за оборотом. Я чувствовал, как мозги заплывают жиром, я тупел, тупел день ото дня. Я даже начал получать удовольствие от этих дурацких фильмов, которые нам показывали каждый вечер. Казалось, что скука была одним из условий эксперимента. У нас не было ни газет, ни журналов, ни телевидения, не говоря уже о книгах. Радио транслировало только местные новости и дурацкую, лишённую всякого эстетизма музыку, от которой начинало сводить зубы уже с утра. От скуки мы попытались заняться художественной самодеятельностью и даже выпустили один номер стенгазеты, но нам это тут же запретили:

– Эксперимент не предусматривает подобной активности с вашей стороны, – такими были их объяснения.

Чтобы совсем не свихнуться от скуки, я занялся спортом. Кроме зарядки, которой я занимался в любую погоду и с любым настроением, я каждый вечер ходил на спортивную площадку. Я занимался йогой, бегал, отжимался от пола, подтягивался на ветках, качал пресс. Из нескольких простыней я соорудил что-то вроде каната, привязал его к дереву и лазил по нему каждое утро. Я выпахивался на износ, до появления того кайфа, который приносит только регулярный спорт. Я приходил с тренировки, принимал душ, выпивал в кафе чашечку кофе с пирожным, выкуривал сигарету и отправлялся спать, если, конечно, в мои планы не входила личная жизнь. Тогда я либо снимал скучающую дамочку и вёл её к себе, либо шёл в бордель. После секса я мгновенно проваливался в сон, в очередной кошмар, которые меня преследовали с начала эксперимента.

То я проваливался глубоко под землю, настолько глубоко, что у меня закладывало уши. Я блуждал по подземным коридорам, тщетно ища выход и всё больше увязая в этой подземной паутине. То я от кого-то убегал, и мои движения были мучительно медленными, слишком медленными, чтобы спастись. Почти каждую ночь я продирался сквозь колючие заросли или пытался преодолеть огромные старые заборы, готовые вот-вот упасть. Я начал кричать по ночам. Я не понимал, что со мной происходит, не понимал до поры до времени.

– Уважаемые участники эксперимента! Всем приготовиться к проверке. Вам надлежит в течение трёх секунд подняться с кровати, отойти от неё на два шага и ждать комиссию. Члены комиссии откроют дверь своим ключом, так что беспокоиться не надо. Не надо волноваться. Это обычная проверка. Выполняйте все требования членов комиссии, и всё будет нормально, – выдало радио равнодушным мужским голосом.

Было раннее утро – до официального подъёма оставался час-полтора.

Минут через пять ко мне в комнату вошли три санитара.

– Карл Дюльсендорф? – спросил один из них, наверно, старший.

– Да.

– Предъявите, пожалуйста, свои деньги.

– Минуточку.

Я открыл ящик стола и достал несколько листов бумаги.

– Вот.

– Больше нет?

– Больше нет.

Они направили на мои деньги специальный фонарик, и на обычной с виду тетрадной бумаге появились водяные знаки и моя фамилия. Изучив деньги, они прошлись с каким-то прибором по квартире.

– Большое спасибо, гражданин Дюльсендорф, – сказал мне старший, отдавая деньги, – извините за беспокойство.

– А что произошло? – спросил я, понимая, что обычной проверкой это быть совсем не могло.

– Это не в нашей компетенции, – сказал старший и вышел вместе с остальными из квартиры.

Я сел на постель и закурил.

– А теперь, уважаемые участники эксперимента, можете собираться на завтрак. Спасибо за сотрудничество. После завтрака общее собрание в кинотеатре. Спасибо за внимание, – произнесло радио и замолчало.

Столовая гудела. Все только и говорили, что о сегодняшнем происшествии. В центре внимания был мой бывший сосед с огромными линзами очков. Пользуясь случаем, он рассказывал всем и каждому о причине сегодняшней проверки. Вот уж действительно пятнадцать минут славы.

До меня доносились только обрывки разговора, поэтому некоторые подробности я упустил, но вот общая картина происшествия: Выпивали они, значит, с девочками. Два на два. Он, как хозяин, уединился на кухне, предоставив в расположение гостей свою комнату. Ночью они разошлись, и дёрни его черт полезть за чем-то в шкаф с чистым бельём. Бельё он нашёл, а вот денег недосчитался. Ушёл целый непочатый лист. Аванс или получка. Он, недолго думая, к санитарам. Они его успокоили, приказали сидеть тихо и помалкивать, а сегодня утром во время проверки взяли вора, что называется, с поличным.

Народ негодовал. Украсть деньги! И это возмущались люди, далеко нечистые на руку в прошлой, свободной жизни, люди, для которых обчистить ближнего всё равно что сказать «здрасьте». Здесь же это было ЧП. У нас не было криминала. Даже бытового хулиганства не было. Мы настолько отвыкли от этих обыденных атрибутов той, прежней жизни, что находились в состоянии шока ещё несколько дней.

Конечно, всем нам приходилось слушать истории про «те времена», когда дома не запирались, а если хозяева уходили из дома, то закрывали дверь на крючок. Честность? А что было красть? Что было красть, если ни у кого ничего не было, а если и было, то в одном экземпляре на всю деревню – попробуй потом покажи. Конечно, были и чужаки, которые часто ходили по тем дорогам, но стоило кому-

нибудь обнаружить пропажу, как чужак навсегда исчезал среди бескрайних просторов «тех времён». Поэтому чужаки тоже не особо крали. У нас не крали по тем же самым соображениям, а вот, поди ж ты, нашёлся умник, устроил нам, что называется, почин. И вроде бы приличный был мужик.

Цветиков, выслушав все за и против, приговорил вора к пятнадцати суткам карцера.

Все пятнадцать суток мы сетовали на то, что наказание слишком уж мягкое и теперь пойдёт-поедет, но когда через пятнадцать суток мы увидели вора…

Мы его не узнали. Он был старым, седым, трясущимся и совершенно сумасшедшим. Тогда мы ужаснулись самой возможности попасть в карцер.

Это происшествие на какое-то время вырвало нас из мёртвого оцепенения скуки, но, поднявшаяся было пыль времени, осела на свои места, и мы вновь погрузились в тихую, полужвачную жизнь.

Проснулся я совершенно разбитым. До подъёма было ещё полчаса. Всю ночь меня терзали кошмары. Как я уже говорил, эти сны изводили меня с самого первого дня эксперимента. Со временем я немного привык к ним, и хоть сценарии сновидений продолжали приходить ко мне из фильмотеки фильмов ужасов, сам элемент ужаса или кошмара из них исчез. Той же ночью волна непреодолимого страха накрыла меня вновь. Мне снилась глубокая яма в рыхлой жирной земле, даже, скорее, не яма, а зыбучий чернозём. Я целую вечность проваливался сквозь мягкую, рыхлую чёрную землю. Наконец, движение прекратилось. Я оказался у входа в небольшой грот, в который можно было протиснуться только на четвереньках. Я полз, чувствуя всю тяжесть нависающей надо мной земли. Не помню как, скорее всего, внезапно, как это часто бывает во сне, я очутился в большой, бесконечно огромной пещере. Раздался писк миллиона глоток, и на меня накинулось полчище летучих мышей. Я пытался отбиться, но это было всё равно что отбиваться от снежной лавины. Тогда я лёг на пол пещеры и закрыл руками лицо. Я лежал, а мерзкие твари больно ранили меня своими когтями и зубами. Я уже начал прощаться с жизнью, когда они вдруг исчезли так же внезапно, как и появились. Я стоял на полу из белого мрамора, а мои руки. Руки буквально раздулись от гноя до неимоверных размеров. Пальцы шевелились, но были как бы не моими. Тогда я крепко сжал

палец, чтобы выдавить гной. Ноготь поднялся шубой. Из-под него хлынул поток гноя. Тогда я начал нервно выдавливать гной из всех пальцев обеих рук…

Я лежал на спине, тяжело дышал и смотрел в потолок. Страшно хотелось курить, но сил на то, чтобы взять сигарету, у меня не было. Я был полностью раздавлен и выпит сном. Наконец, пересилив себя, я поднялся, на ощупь, не включая света, нашёл брюки и достал пачку сигарет. Глоток дыма принёс облегчение. Я жадно, большими частыми затяжками выкурил сигарету и закурил ещё. Вторую сигарету я курил уже медленно, наслаждаясь вкусом табака и наблюдая, как в моё тело возвращается жизнь.

Обойдусь сегодня без зарядки, – решил я, – лучше лишние полчаса поваляться в постельке. Я никогда не насиловал тело. Конечно, лень приходилось преодолевать частенько, но с голосом плоти я старался не спорить. Тело умней головы. Для меня эта мыль всегда была аксиомой. Я не признаю ни диеты, ни режимы питания, ни, упаси боже, режим дня. Всё это не что иное, как навязывание воли глупого ума разумному своим генетическим разумом телу. Вместо того чтобы учиться различать малейшие голоса тела, мы заковываем его в кандалы распорядка, разрушая мост к самому себе ещё с раннего детства.

– Внимание всем! – рявкнуло радио громче обычного. – После завтрака всем собраться в кинотеатре. Повторяю, всем собраться в кинотеатре. Неявка… – но тут что-то щёлкнуло, и радио замолчало.

– Вот тебе, батенька, и сон в руку, – сказал я себе и начал собираться на завтрак.

Моё предчувствие разыгралось с новой силой. Душа выла, как собака на луну в холодную долгую ночь.

Народ, а что, собственно, с народа взять, гудел, как потревоженный улей. Мнения разделились. Одни решили, что нам объявят об окончании эксперимента и отправят по домам – счастье не вечно. Другие готовились к приятному сюрпризу, конфетке за хорошее поведение. Третьи воспринимали ситуацию как контрольный промежуточный замер, точно мы свиньи на ферме.

Я сидел, механически ковырялся вилкой в тарелке и пытался побороть страх, готовый перерасти в неконтролируемый панический ужас. Я боялся сам не зная чего. Я чувствовал себя беспомощным существом перед невидимым и оттого ещё

более страшным врагом.

В кинотеатре энтузиазм трудящихся заметно поугас. И было от чего. В зале было полно санитаров, вооружённых большими дубинками с электрозарядом. Такой мало того что получаешь порцию хорошего тумака, так ещё и приличный удар током на закуску. Жуткая вещь. Подобные декорации совсем не способствовали распространению оптимистичных настроений. Все сразу как-то поутихли, расселись по местам и стали ждать новостей.

Наконец на трибуну взошёл профессор Цветиков.

– Здравствуйте, товарищи, – начал он свою речь. В зале прошёл гул облегчения. Все сразу решили, что это что-то вроде комсомольского собрания. Сначала слушаем докладчика, потом преем в прениях, потом домой, так как какая может быть работа после собрания.

– Дорогие товарищи, – продолжил Цветиков, хлебнув воды из чистейшего стакана, – разрешите поздравить вас с окончанием первой фазы эксперимента.

Снова прошёл шумок, дескать, всё правильно, первая фаза закончена, а, следовательно, будет как минимум ещё и вторая, а если повезёт, то третья, четвёртая и так до бесконечности.

– Что я могу сказать? Конечно, до того момента, когда я смогу обнародовать результаты эксперимента, ещё далеко. Но я вами доволен. По большей части вы были молодцами. И я за вас рад. Более подробно, к сожалению, я не могу вам ничего рассказать. Увы, таковы требования эксперимента. Итак, первая часть эксперимента подошла к концу. Сегодня начинается вторая часть. Под кодовым названием «Лазарет». Сразу отсюда вы переходите в медпункт, проходите медкомиссию и поступаете в стационар. Там вы и будете проходить вторую фазу эксперимента. Там же вас ознакомят и с новыми правилами. У меня всё.

Нас вновь крутили и вертели на всех мыслимых и немыслимых тренажёрах, вновь брали кровь, откуда только можно, вновь задавали сотни вопросов. К концу экзекуции я уже с трудом мог вспомнить своё имя и год рождения. Я был олицетворением усталости и страха. Казалось бы, медосмотр – вторая фаза эксперимента, но с каждой минутой, с каждой галочкой и неразборчивой подписью в моём деле страх становился всё сильнее и сильнее. Даже усталость

на него не действовала.

В стационаре, который находился здесь же, на втором этаже, нас переодели в больничные пижамы, отобрав всё, включая зубные щётки и запасные трусы.

– Вам выдадут всё, что нужно, – только и сказал угрюмый санитар с огромным животом.

В его глазах не было и следа дружелюбия, а если взять во внимание увесистую дубинку, которой он недвусмысленно поигрывал… В общем, охотников задавать дополнительные вопросы не было.

Нас построили вдоль угнетающе зелёной стены. Все тот же угрюмый санитар называл фамилии и номера палат, после чего учтённый счастливчик получал салфетку с порядковым номером, которую надо было пришить сзади к пижамной куртке. Затем санитар зачитал нам новые правила, которые сводились к одному пункту: «Вождь всегда прав». В расшифровке это выглядело примерно так:

Нам надлежало строго подчиняться санитарам и выполнять любое их распоряжение; надлежало выполнять все предписания врача; запрещалось без особых распоряжений покидать палату; также нам запрещалось говорить.

За малейшее нарушение правил – карцер.

После того как мы подписали бумагу, в которой говорилось, что мы ознакомлены с правилами эксперимента и добровольно (попробовал бы кто отказаться) обязуемся выполнять эти правила, нас развели по палатам – одиночным камерам два на два с голым антисанитарного вида матрасом на полу. Окон в палате не было, электричества тем более. Единственным источником света было небольшое оконце в двери, куда проникали жалкие остатки тусклого света из коридора. Зато обед подали в номер. Приоткрылась дверь, и мне в комнату всунули миску без ложки с жуткой кашей на воде.

Страх мой, как это ни странно, после такого поворота событий исчез. Конечно, настроение подобное положение вещей вряд ли кому могло улучшить, но теперь я знал врага в лицо, а это что-то, да значило.

Ночью меня разбудил крик. Кто-то истошно кричал и бился в истерике. Не выдержали, видать, нервы у бедолаги. Раздался выстрел, оборвавший крик, затем второй, контрольный.

Ещё через минуту лязгнул дверной замок.

– Встать!

Я поднялся на ноги.

– Выходи.

Я повиновался.

– Стой, – приказал санитар, когда я вышел из палаты, – шаг вправо и замер.

Я встал справа от двери, прижавшись спиной к стене. Точно также стояли и все остальные. На лицах был испуг.

Двое добровольных участников протащили за ноги труп, оставляющий следы крови на полу. Их сопровождал санитар с дубиной.

Другой, с пистолетом в руках, нервно ходил перед строем, зло глядя в наши лица, словно хотел ещё на ком-то продемонстрировать действие своего оружия.

– Бешенство – болезнь заразная, – прошипел он, – мы будем отстреливать любого, кто проявит симптомы болезни. Всем понятно?

Нам было понятно всем, поэтому мы стояли, не шелохнувшись, боясь отвести глаза от страшного оружия.

– Ты и ты, – ткнул он, не глядя, пистолетом в строй, – убрать здесь всё. Остальные по камерам.

«Конечно, многое вы не будете понимать, многое покажется вам неприемлемым, но вы не должны забывать, что это эксперимент, направленный на благо

человечества, и если некоторые моменты способны приносить боль, то скальпель хирурга тоже приносит боль, однако же это боль во благо. Помните это, Дюльснендорф», – звучали в моей голове слова Цветикова. Я повторял их мысленно вновь и вновь, словно в этих словах была разгадка, способная подарить мне жизнь. А ещё я думал, что люди переживали гестапо, да что там гестапо, НКВД с нашими советскими лагерями, а там было страшней.

По утрам, накормив какой-то баландой, нас выводили на работу. Нам надлежало вычерпывать воду ведрами из одного колодца и выливать её в другой. И так целый день с коротким перерывом на скудный обед. Наиглупейшая, надо сказать, работа, к тому же колодцы были сообщающимися, что делало наше занятие ещё более тупым и бессмысленным. И никакой остановки. Стоило кому-нибудь замедлить работу, как санитары тут же набрасывались на него с дубинками, избивая до полусмерти, а если это не помогало, а это никогда не помогало, отправляли в карцер. Тогда-то мы узнали, что это такое, от редких счастливчиков, вернувшихся оттуда к нам. Карцером были небольшие ниши, в которых можно было только лежать. Человек замуровывался там, в абсолютной темноте и тишине. Не знаю, какую надо иметь психику, чтобы выйти оттуда нормальным. Представьте себе: страх, голод, жажда, полное отсутствие времени, отвращение оттого, что надо ходить под себя и во всём этом лежать до бесконечности. К тому же я не уверен, что после того, как на свет божий извлекался очередной клиент, это заведение чистилось.

Увеличилось время терапии. Теперь мы по несколько часов подряд смотрели на экран, на котором в совершенно странном порядке мелькали вспышки, фигурки, надписи. После сеанса терапии многих из нас приходилось вести под руки. Многие стали писаться и кричать по ночам. Мы медленно теряли человеческий облик, превращаясь, нет, не в животных – тварей, в которых превращались мы, могли породить только люди.

Тем же, кто мог сопротивляться давлению, в ком ещё оставалось хоть что-то от человека, вводили внутривенно какую-то дрянь, от которой забывалось всё. Хотелось сразу всё: сидеть, лежать, бежать, молчать, говорить, спать, бодрствовать… ты пытаешься делать сразу всё, при этом буквально зависаешь, как компьютер. Фактически ты застываешь без движения в какой-нибудь жуткой позе, пока тебя не отпустит. Такие уколы делали перед сном, чтобы «счастливчиков» утром уже можно было вновь гнать на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylov_valeriy/komedianty

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить